

Терри Пратчетт

МАЛЕНЬКИЙ СВОБОДНЫЙ НАРОДЕЦ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Терри Пратчетт
Маленький свободный народец
Серия «Плоский мир»
Серия «Ведьмы», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17134425

Маленький свободный народец : роман из цикла «Плоский мир» / Терри

Пратчетт; Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-81690-3

Аннотация

Девятилетняя Тиффани Болен не любила сказки. Вернее, не доверяла им. Почему принца непременно называют прекрасным, а принцесса глупо себя ведёт и чуть что падает в обморок? Почему всё именно так, а не иначе? Тиффани казалось: сказки просто хотят, чтобы им верили, и морочат людям головы... Но однажды, чудесным летним днём, девочка встретила на берегу реки сказочное чудовище. Оно существовало на самом деле и совершенно точно собиралось кого-нибудь съесть. Вскоре выяснилось: это чудовище не единственное... Что ж, Тиффани как раз решила стать ведьмой, значит, разбираться с такими вещами – её забота. Ведь ведьма совсем не обязательно должна быть старой и злой!

Книга – лауреат премии Locus Award в номинации Young Adult Novel.

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	61
Глава 4	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100
Комментарии	

Терри Пратчетт

Маленький

свободный народец

Copyright© Terry and Lyn Pratchett, 2003

First published as «The Wee Free Men» by Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd.

Inside artwork © Paul Kidby, 2015 – www.paulkidby.net

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Шандарах со звоном

Прежде чем что-то начнётся, начинается что-то ещё.

Летний ливень, похоже, не знал, что он летний, и рушился на землю с яростью зимней бури.

Констанция Тик сидела возле полуразрушенной изгороди, дававшей ей сомнительное укрытие от непогоды, и исследовала Вселенную. На дождь она не обращала внимания. Ведьмы сохнут быстро.

Исследование Вселенной производилось при помощи двух палочек, связанных между собой тонкой бечёвкой, камешка с дыркой посередине, яйца, чулка Констанции Тик (тоже дырявого), булавки, клочка бумаги и крошечного огрызка карандаша. В отличие от волшебников ведьмы умеют обходиться малым.

Констанция Тик соорудила из упомянутых предметов, затейливо связав и перепутав их, некое... приспособление. Когда она осторожно коснулась его, вещицы странным образом задвигались. Карандаш прошёл сквозь яйцо, не повредив его и не оставив следа.

– Да, – негромко сказала Констанция. Дождевая вода потоками хлестала с полей её шляпы. – Так и есть. Границы мира колеблются. Очень тревожный знак. Возможно, иной мир пытается проникнуть сюда. Такое добром не кончится. Я должна быть там. Но... мой левый локоть говорит, в тех краях уже есть ведьма.

– Ну, так значит, она со всем и разберётся, – раздался то-ненький голосок. Он доносился откуда-то из-под ног ведьмы, а обладатель его до поры останется загадкой.

– Нет, – возразила Констанция. – В той стороне – Меловые холмы. Мел, известняк – он немногим лучше глины. А чтобы вырастить хорошую ведьму, нужна надёжная опора, хорошая, крепкая скала. – Она покачала головой, и с полей шляпы хлынули новые водопады. – Но мои локти ещё никогда не обманывали меня¹.

– Что толку гадать? Давай отправимся туда и посмотрим, – предложил голос. – Всё равно ведь здесь у нас дела не очень-то ладятся.

Это была правда. На равнинах ведьмам приходилось несладко. Констанция Тик зарабатывала тут жалкие гроши, помогая местным жителям исцелиться от мелких недугов и предсказывая, что кому не суждено². Ночевать ей чаще всего приходилось в сараях. Дважды её бросали в омут.

– Но если там есть ведьма, я не имею права вмешиваться, это её земля, – сказала Констанция. – Впрочем... ведьмы ведь не возникают на пустом месте. Ну-ка, посмотрим...

Достав из кармана надколотое блюдце, она наклонила голову, чтобы наполнить его дождевой водой с полей шляпы. Затем извлекла из другого кармана бутылочку чернил и ак-

¹ Люди говорят: «Послушай, что говорит твоё сердце». Ведьмы умеют прислушиваться и к другим органам. Просто поразительно, что могут рассказать, скажем, почки. *(Примеч. автора)*

² В отличие от обычных гадалок, которые говорят вам то, что вам хочется услышать, ведьмы говорят, что ждёт вас в будущем, не важно, нравится вам такая судьба или нет. И хотя предсказания ведьм намного точнее, как ни странно, они пользуются куда меньшим успехом. *(Примеч. автора)*

куратно добавила в блюдо ровно столько тёмной жидкости, сколько требовалось, чтобы вода почернела. Прикрыв блюдо сложенными чашечкой ладонями, чтобы не попадали капли дождя, ведьма прислушалась к тому, что говорили её глаза.

Тиффани Болен лежала на берегу реки и, свесившись к воде, щекотала форель. Ей нравилось, как смеются форели. Когда они хихикают, у них изо рта вылетают пузырьки.

Чуть в стороне, там, где начиналось что-то вроде небольшого галечного пляжа, её брат Винворт играл с липовым прутиком и наверняка сам быстро становился липким.

Винворт всегда делался липким, с чем бы он ни возился. Можно было вымыть его, оставить посреди идеально чистой комнаты и не сомневаться, что через пять минут этот ребёнок будет липким снова. Не то чтобы он пачкался. Просто становился липким. Но присматривать за ним было совсем нетрудно, главное – не позволять ему есть лягушек.

Тиффани щекотала форель и думала о нескольких вещах сразу. Например, о собственном имени. Ей было девять лет, и в последнее время ей стало казаться, что с таким именем, как Тиффани, ей придётся нелегко в жизни^[1]. Кроме того, как раз на прошлой неделе она решила стать ведьмой, а что это за ведьма, которую зовут Тиффани? Куры засмеют.

В то же время другая, значительно большая часть Тиффани была поглощена размышлениями о том, что такое «шу-

шуканье». О таких вещах люди нечасто задумываются. Тиффани щекотала форель под нижней губой, а сама всё крутила в голове это загадочное «шушуканье».

Шушукать... Шу-шу-шу... В бабушкином словаре говорилось: «Шушукаться – говорить очень тихо, шёпотом». Тиффани нравилось это «шу-шу-шу», нравился его привкус. Стоит покатасть его на языке, и представляются загадочные люди в чёрных балахонах, обсуждающие свои секреты за закрытыми дверями. «Шу-шу-шу, шу-шу-шу, шу-шу-шу...»

Словарь она прочла от корки до корки. Никто ведь не говорил, что нельзя.

Тут она заметила, что счастливая форель куда-то уплыла. Зато река принесла кое-что другое. И оно плыло по воде всего в нескольких дюймах³ от лица Тиффани.

Это была круглая корзинка размером не больше половинки кокоса, выстланная изнутри чем-то таким, что не пропускало воду. В корзинке стоял крошечный человечек, ростом дюймов шесть. Его ярко-рыжую всклокоченную шевелюру украшали несколько бусин, перьев и лоскутков. Борода, такая же рыжая, выглядела не лучше шевелюры. Человечек был весь покрыт синими татуировками, за исключением, может быть, того небольшого, что скрывалось под маленьким килтом. И этот человечек грозил Тиффани кулаком и вопил:

– Раскудрить! А ну брыкс, ты, глуха-тупа мал-малюха! Берегайся зелён-бошки!

³ 1 дюйм равен 2,54 сантиметра. (Примеч. ред.)

С этими словами он потянул за верёвку, свешивавшуюся через край корзинки в воду, на поверхность вынырнул второй маленький человечек и стал жадно глотать воздух.

— Потом порыбаришь! — крикнул первый. — Зелён-бошка плюхс прям сюды!

— Раскудрить! — завопил ныряльщик. — Драпс-драпс!

Он схватил крохотное весло и принялся проворно грести им. Корзинка устремилась прочь.

— Простите! — окликнула Тиффани. — Вы — эльфы?

Ответа не последовало. Маленькая круглая лодка скрылась в камышах.

«Наверное, это значит нет», — подумала Тиффани.

И вдруг, к её ужасу и восторгу, мир наполнило «шу-шу-шу». Ветра не было, но осины на берегу задрожали и зашестели. И камыш тоже. Ветви и стебли не согнулись, зато сделались расплывчатыми, будто от мелкой и быстрой дрожи. Всё вокруг потеряло ясность очертаний, как если бы кто-то взял и принялся трясти мир. Воздух шипел, как газировка. Шёпот за закрытыми дверями...

Вода у самого берега запузырилась. Тут было совсем мелко, по колено Тиффани, но теперь река сделалась темнее, зеленее и каким-то образом гораздо глубже...

Тиффани попятилась, и едва она успела отступить на пару шагов от берега, как из воды взметнулись длинные тощие руки и хищные когтистые пальцы сомкнулись на том самом месте, где она стояла минуту назад. На мгновение показалось

костлявое лицо с длинными острыми зубами и огромными круглыми глазами, мелькнули зелёные, похожие на тину волосы – и тварь снова скрылась под водой.

Вода ещё не сомкнулась над головой чудовища, а Тиффани уже выбежала на маленький пляж, где Винворт увлечённо лепил пирожки с лягушками. Она схватила брата, и в тот же миг у кромки берега показались первые пузырьки. Снова вода вспенилась, зеленоволосая тварь выскочила из неё, как пробка, и длинные руки вцепились в прибрежную грязь. Никого не поймав, чудовище пронзительно взвыло и рухнуло обратно в воду.

– Хо-тю пи-пи а-а! – заявил Винворт.

Тиффани не обратила на него внимания. Она смотрела на реку и размышляла.

«Мне совсем не страшно, – думала она. – Вот ведь странно. Я должна быть напугана, а я только сердита. Нет, страх есть, я чувствую его, словно раскалённый докрасна шар где-то глубоко внутри, но злость не даёт ему вырваться наружу».

– Винни пи-пи-а-а, пи-пи-а-а! – заголосил Винворт.

– Ладно, пошли, – рассеянно сказала Тиффани.

По воде всё ещё расходились круги, мелкие волны бились о берег.

Не было смысла пытаться рассказать кому-нибудь. Взрослые ответят лишь: «Ох уж эти детские фантазии!» – если пребывают в хорошем настроении, или: «Что ещё за глупые выдумки?!» – если не в духе.

Злость Тиффани не проходила. Да как посмело это страшилище объявиться в реке? Тем более такое... такое... нелепое! Оно что, не знает, кто она такая?

Она – Тиффани, и она возвращается домой. Взгляните. Начнём с башмаков. Башмаки на ней большие и тяжёлые, чиненные-перечиненные отцом и ношенные-сношенные всякими разными сёстрами. Тиффани приходится поддевать в них несколько пар носков. Башмаки и правда большие. Порой у Тиффани возникает ощущение, будто она живёт на свете только для того, чтобы башмаки могли перемещаться с места на место.

Теперь платье. До Тиффани его носило множество сестёр, и её мать столько раз ушивала, расшивала и перешивала его, что совершенно зашила и от платья мало что осталось. Но Тиффани оно даже нравится. Длиной оно до середины лодыжек. Его изначальный цвет давно забылся, к Тиффани оно попало бледно-голубым, – кстати говоря, точь-в-точь как бабочки, порхающие сейчас над травой вдоль тропинки.

Теперь лицо Тиффани. Розовое, с карими глазами и каштановыми волосами. Ровным счётом ничего особенного. Правда, кому-нибудь – например, тому, кто стал бы разглядывать Тиффани при помощи блюдца, наполненного тёмной водой, – могло показаться, что голова у девочки несколько великовата, учитывая её рост и прочее. Но, возможно, голова ей досталась на вырост.

А теперь дальше, ещё дальше, и вот уже тропинка – все-

го лишь узкая лента далеко внизу, а Тиффани с братом – две крошечные точки, ползущие по ней, и видно окрестные земли...

Эти края люди называют Меловыми холмами^[2]. Холмы мирно лежат, греют округлые зелёные спины в лучах летнего солнца. Стада овец, щиплющие невысокую травку, сверху кажутся белыми облаками, медленно плывущими над зелёным морем. Там и тут, словно кометы, проносятся овчарки.

А если отодвинуться ещё дальше, виден огромный, вытянутый курган. Он разлёгся на поверхности мира, будто зелёный кит...

...а вокруг него темнеет окрашенная чернилами дождевая вода в щербатом блюде.

Констанция Тик подняла глаза.

– Эти человечки в лодке были Нак-мак-Фигли!^[3] Самые опасные из всех волшебных существ! Даже тролли бегут без оглядки, если им встретится маленький свободный народец! А один из них предупредил её!

– Так значит, она ведьма, верно? – заключил голос-невидимка.

– В таком-то возрасте? Быть этого не может! – отрезала Констанция. – Там нет никого, кто мог бы её обучить. На Меловых холмах ведьмы не живут. Мел слишком мягок. Но всё же... она не растерялась.

Она посмотрела на Меловые холмы, парящие вдалеке

над низкими, выжатыми досуха облаками.

— За малышкой необходимо присмотреть, — сказала она. — И всё-таки мел слишком мягок, чтобы на нём могла вырасти ведьма...

Выше холмов были только горы. Острые, лиловые и серые, вздымались они к небесам, и длинные белые шлейфы снега стекали с их вершин даже летом. «Невесты неба», — сказала как-то о них бабушка Тиффани, которую все звали матушка Болен, и это было такое неслыханное дело, чтобы бабушка заговорила вдруг о чём-то, никак не касающемся овец, что её слова врезались девочке в память. Кроме того, точнее ведь и не скажешь. Именно так выглядят горы зимой, когда они все облачены в белое и снежные вихри реют над их плечами, словно фата.

Бабушка любила старинные слова и произносила их на причудливый старинный манер. Так, она никогда не говорила «Меловые холмы», она говорила: «Холмовье». «В Холмовье ветру приволье», — подумала как-то Тиффани, и так это слово ей и запомнилось.

Вот Тиффани с братом и на ферме. Обычно девочка была предоставлена сама себе. Не то чтобы родные избегали её или хотели обидеть, просто на ферме у всех полно дел, а Тиффани со своими обязанностями справлялась весьма хорошо, так что её никто не трогал, и она была вроде как невидимкой. Она работала в молочне, и у неё отлично получа-

лось. Её масло было лучше, чем то, что делала её мать, и все замечали, как прекрасно Тиффани удаются сыры. У неё был дар. Порой, когда в деревню внизу приходили странствующие учителя, она спускалась вкусить немного учёной премудрости. Но большую часть времени она проводила в прохладе и сумраке молочни. И Тиффани это вполне устраивало – она делала свою долю работы на ферме.

Ферма так прямо и называлась: Родная ферма. Отец Тиффани арендовал её у барона, которому принадлежала вся земля в округе. Но Болены жили на этих холмах столетиями, и иногда (после кружки пива за ужином и когда никто чужой не слышал) отец говорил: земля-то знает, что она – земля Боленов. А мать Тиффани на это всегда отвечала, что нельзя так говорить. Да, барон весьма уважительно отзывается о господине Болене и зовёт его лучшим пастухом холмов с тех пор, как два года назад умерла матушка Болен, и люди в деревне все считают, что барон последнее время очень даже ничего с ними обращается. Вот и надо проявлять уважение в ответ, говорила мать, и отец оставался один на один со своей тоской.

Но иногда он продолжал гнуть свою линию, что, дескать, Болены (а также Боллены, Балены, Больны и Болины – в те времена писали как вздумается) упоминаются в официальных записях, которые делались в этих краях и сто, и двести лет назад, и вообще их история уходит в глубь веков. У Боленов мел холмов – в костях, говорил отец, и все они были

и есть пастухи.

Как ни странно, Тиффани было приятно это слышать. Хотя, наверное, она была бы не прочь гордиться и предками, которые хоть иногда переезжали с места на место или время от времени пробовали себя в каком-нибудь новом деле. Но человеку нужно ведь чем-то гордиться. И сколько она себя помнила, её отец, обычно медлительный и молчаливый, нет-нет да и вспоминал Шутку, веками передававшуюся от Болен к Болену.

Он говорил, к примеру: «Ещё один хлопотный день позади, а я как был Болен, так и есть». Или: «Встаю с постели – Болен, иду спать – опять же Болен». Или просто: «Я Болен до мозга костей». Конечно, после третьего раза в Шутке не было уже ничего особенно смешного, но всё же Тиффани начинало чего-то не хватать, если отец не вспоминал Шутку хотя бы раз в неделю. Это ведь была отцовская Шутка, и не важно, что совсем не смешная. Но каждый из её предков, как бы ни писалась его фамилия, был Болен любовью к своей земле, и ни один из них не был Болен тоской по странствиям.

В кухне никого не было. Мать, должно быть, пошла наверх, к загонам для стрижки овец, отнести скудный обед нанятым стригалям. Сёстры Тиффани, Ханна и Фастидия, наверняка увязались за ней, чтобы скатывать шерсть и строить глазки парням. Они всегда становились очень работающими девушками, когда приходило время стричь овец.

Рядом с большой чёрной плитой висела полка. Мать Тиффани до сих пор величала её Библиотека матушки Болен, потому что ей нравилось думать, будто у них в доме есть библиотека. Все остальные говорили просто: «Матушкина полка».

Полка была маленькая, и книги на ней втискивались между старым кувшином с засахаренным имбирём и фарфоровой пастушкой, которую Тиффани в шесть лет выиграла на ярмарке.

Книг на полке стояло пять, не считая Книги Учёта (а Тиффани полагала, что Книга Учёта не считается за книгу, потому что её надо заполнять самому). Во-первых – словарь. Во-вторых – «Ещегодник», который каждый год меняли на новый. В-третьих – распухшие от закладок «Болезни овец», водружённые на полку собственноручно бабушкой.

Об овцах матушка Болен знала всё, хотя сама утверждала, что овцы – «просто мешки костей, глаз и зубов, которые только и думают, как бы им верней сдохнуть». Пастухи приходили за сотни миль, чтобы просить матушку отправиться к ним и вылечить занедужившую скотину. Говорили, что у неё Лёгкая Рука. А сама бабушка говорила, что лучшее средство от всех овечьих и человеческих хворей – это хорошая порция скипидара, крепкое словцо и пинок под зад. Книга была вся переложена клочками бумаги с личными рецептами бабушки. Как правило, в них говорилось про скипидар, но в некоторых попадались и крепкие словечки.

Рядом с книгой про овец стояла тоненькая книжица под названием «Цветы холмов»^[4]. Поля на склонах и правда изобиловали крохотными резными цветочками вроде примул и колокольчиков, которые как-то ухитрялись выживать на пастбищах. Только очень живучие и хитроумные цветы могут расти на холмах, где летом бесчинствуют овцы, а зимой – пурга.

Кто-то когда-то давно раскрасил цветы в книжке. На форзаце было старательно выведено чернилами: «Сара Брюзгель». Так звали бабушку до замужества. Должно быть, она решила, что Болен звучит всё же лучше, чем Брюзгель.

И, наконец, на той же полке стояли «Валшебные сказки для хороших детишек», очень старые, ещё из тех стародавних времён, когда чуть ли не всё писалось через «а».

Тиффани встала на стул и сняла с полки «Сказки». Пролистав страницы, нашла ту, что искала, и некоторое время её разглядывала. Потом переставила стул, открыла буфет с посудой и достала суповую тарелку. Нашла в ящике портновскую ленту, которой мать снимала мерки для одежды. Измерила тарелку.

– Хм, – пробормотала она. – Восемь дюймов. Почему было прямо так и не написать?

Она сняла с крюка огромную чугунную сковороду, на которой можно было приготовить завтрак на шестерых разом, взяла из вазы на комодe несколько леденцов и сложила их в старый бумажный пакет. Потом, к досаде Винворта, взяла

его за липкую лапку и потащила обратно к реке.

На берегу всё выглядело вполне мирно, но Тиффани знала, что это лишь видимость. Все форели куда-то уплыли, и птицы не пели.

Она нашла подходящий куст, подобрала палку и воткнула её в землю поближе к воде. Привязала к верхушке палки пакетик с леденцами.

– Винни, нямки! – крикнула Тиффани, перехватила сковородку поудобнее и быстро спряталась за куст.

Винворт рысью подбежал к палке и вцепился в пакет, но тот был привязан крепко.

– Хо-тю пи-пи, а-а! – закричал мальчик: эта проверенная угроза выручала его почти всегда.

Пухлые пальчики безнадёжно ковыряли узел.

Тиффани не сводила глаз с реки. Кажется или вода у берега действительно темнеет? Зеленеет? Это просто водоросли там колышутся? И пузырьки у берега появились – это форель хихикает?

Нет.

Тиффани выскочила из-за куста со сковородой наперевес. Тварь в стремительном прыжке столкнулась с чугунным дном посуды, шандарахнувшись об него головой, и раздался звон. Это был отличный, качественный звон, после которого ещё долго затихают воющие отзвуки: «Оёйёйёйёйёйёйёйё... ннннг».

Тварь замерла на мгновение в воздухе, выбитые зубы

и пряди зелёных волос тихо попадали в воду. Потом чудовище плюхнулось в реку и медленно ушло на дно, выпустив напоследок несколько крупных пузырей.

Вода очистилась, и река вновь стала такой, как прежде: мелкой, ледяной, с галечным дном.

– Хо-тю, хо-тю нямку! – завопил Винворт.

Когда поблизости были сладости, он не замечал ничего вокруг.

Тиффани развязала пакет и дала ему. Винворт, как всегда, накинуся на конфеты слишком поспешно. Она дождалась, пока его стошнит, взяла за руку и повела обратно домой, думая о своём.

В камышах почти у самой воды раздался шёпот:

– Раскудрыть! Видал, Мал Бобби?

– Ах-ха. А ща – драпс-передрапс. Мы нашли каргу, надыть Большому Человеку сказать!

Констанция Тик бежала со всех ног по дороге в гору. Вообще-то ведьмы не любят бегать. Ещё, чего доброго, увидит кто, и прощай репутация. По той же причине они стараются не носить ничего тяжёлого там, где могут попасться кому-нибудь на глаза. А сейчас за спиной у Констанции Тик была свёрнутая палатка.

И ещё за спиной у неё клубился пар. Ведьмы просыхают до самых костей.

– А зубов-то, зубов-то сколько! – заметил голос-невидим-

ка, на сей раз притаившийся в шляпе Констанции.

– Да, я видела, – отрезала ведьма.

– А она просто подкараулила эту тварь и ка-ак даст!

– Да.

– Вот прямо ка-ак даст!

– Да, очень впечатляюще, – согласилась Констанция.

Она стала задыхаться. Кроме того, здесь начинались холмы, а она не очень-то хорошо чувствовала себя на известняке. Странствующие ведьмы предпочитают иметь под ногами твёрдую землю, а не скалу, которую можно резать ножом.

– Впечатляюще? – переспросил голос. – Она использовала своего братца как приманку!

– В самом деле, удивительная живость ума... О нет! – Констанция Тик резко остановилась и прислонилась к ограде пастбища – у неё вдруг закружилась голова.

– Что такое? Что такое? – всполошился голос. – Ты меня чуть не уронила!

– Это всё мел, будь он проклят! Моя магия работает на твёрдых почвах, на скалах всё вообще проще простого, и даже на глине я чувствую себя довольно уверенно, но мел – он ни то, ни другое, ни третье. У меня сильная геологическая зависимость, понимаешь?

– О чём ты? – спросил голос.

– Мел... это голодная земля. Когда под ногами мел, я практически бессильна.

Обладатель голоса, по-прежнему невидимый, уточнил:

– Что, в обморок упадёшь?

– Нет-нет! Просто не смогу колдовать...

Констанция Тик вовсе не походила на ведьму – как и большинство ведьм, по крайней мере странствующих. Когда приходится ходить среди малообразованных людей, опасно выглядеть как ведьма. Вот почему она не носила украшений с оккультными символами, не имела при себе сверкающего волшебного ножа, серебряного кубка с узором из черепов или помела, разбрасывающего искры, – ведь все эти мелочи могли бы подсказать догадливому человеку, что где-то поблизости, возможно, бродит ведьма. В карманах Констанции Тик никогда не лежало ничего более магического, чем пара палочек, иногда – обрывок тонкой бечёвки, монетки-другой и, конечно, счастливого талисмана.

Счастливые талисманы имелись решительно у всех людей в округе, и Констанция Тик обнаружила, что, если при тебе его нет, в тебе могут заподозрить ведьму. Ведьмовство требует известной изворотливости ума.

А вот остроконечная шляпа у неё была, но это была шляпа-трансформер, и она становилась остроконечной, только когда ведьме это требовалось.

Единственной подозрительной вещью в её котомке была маленькая книжица «Введение в науку об освобождении от цепей и оков» Вильямсона Неподражаемого. Когда твоя работа связана с риском быть брошенной в омут, то умение

незаметно проплыть в одежде несколько ярдов⁴ под водой и затаиться в камышах, дыша через полую тростинку, тебе нисколько не поможет, если ты не умеешь виртуозно обращаться с узлами.

– Не можешь колдовать? – переспросил голос.

– Не могу.

Констанция Тик подняла голову, заслышав звон бубенчиков. По белой дороге к ним приближалась странная процессия. Состояла она по большей части из осликов, тащивших тележки с яркими надписями по бортам. Люди шли рядом с нагруженными тележками. В основном мужчины, хотя попадались и женщины. Все они были в ярких балахонах – ну, или в балахонах, которые сверкали яркими красками до того, как их припорошило пылью бесчисленных дорог. И на голове у каждого красовалась странная квадратная шляпа.

Ведьма улыбнулась.

Они выглядели как бродячие жестянщики, но она знала: ни один из них не сможет запаять кастрюлю. Они зарабатывают на жизнь, продавая невидимый товар. И после продажи этот товар по-прежнему остаётся при них. Они торгуют тем, что всегда нужно людям, но зачастую люди этого не хотят. Эти странники предлагают купить ключи от Вселенной тем, кто никогда не слышал о существовании у Вселенной замка.

⁴ Ярд – принятая в англоязычных странах единица измерения расстояния. Один ярд равен примерно 0,9 метра. (Примеч. ред.)

– Не можешь сделать сам, – сказала Констанция Тик, воспрянув духом, – научи другого.

Остаток утра Тиффани провела в молочне, у неё хватало там забот с сырами.

На второй завтрак был хлеб с вареньем.

– Сегодня в город придут учителя, – сказала мать. – Если с делами закончила, можешь сходить поучиться.

Тиффани кивнула, пробормотав, что и правда не прочь получить пару-тройку новых знаний.

– Тогда можешь взять полдюжины морковок и яйцо, – сказала мама. – Яйцу-то они точно обрадуются, бедолаги.

Так что после завтрака Тиффани взяла еду и отправилась в деревню, чтобы ей отмерили премудрости ценой в одно яйцо.

Большинство деревенских мальчиков училось ремеслу своих отцов непосредственно у отцов или, в крайнем случае, у чужих отцов на другом конце деревни. Девочки должны были выучиться только тому, что потребуется им в замужестве. Кроме того, им полагалось уметь читать и писать – это считалось лёгкой непыльной работой, однако слишком кропотливой, чтобы нагружать ею юношей.

И тем не менее деревенские родители признавали, что существуют ещё кое-какие премудрости, которыми должно овладеть подрастающее поколение – хотя бы для того, чтобы не тратить время на дурацкие вопросы вроде: «Что там,

по ту сторону гор?» или «Откуда берётся дождь?».

Каждая семья выписывала «Ещегодник», так что некоторые познания дети черпали оттуда. Это была большая, толстая книжища, отпечатанная где-то за тридевять земель. Из неё можно было узнать много интересного, например про фазы луны или когда пора сеять бобы. Ещё там были несколько предсказаний на будущий год, а на страницах упоминались далёкие страны с причудливыми названиями вроде Клатча или Гершебы. На картинке, изображающей Клатч, был нарисован верблюд в пустыне. Это мать объяснила про верблюда и пустыню, сама Тиффани понятия не имела ни про то, ни про другое. Вот и весь Клатч, как выяснилось: верблюд и пустыня. Тиффани пыталась разузнать, нет ли там чего-нибудь ещё, но все, кого она спрашивала, знали только одно: «Клатч = верблюд + пустыня».

И так всегда. Дети будут задавать и задавать вопросы, если не придумать, как заставить их перестать.

Вот тут и наступал черёд учителей. Их бродячие таборы приходили из-за гор, как приходили порой в деревню лудильщики, кузнецы с переносными кузницами, целители, торговцы одеждой и прочий кочевой люд, продающий товары, которые требуются не каждый день, но порой кажутся нелишними.

Странствующие учителя ходили от деревни к деревне, предлагая короткие уроки по самым разным предметам. Они держались особняком, избегая прочих бродячих тор-

говцев, и напускали на себя загадочность, чему способствовали их залатанные балахоны и квадратные шляпы. Учителя изъяснялись длинными словами вроде «гофрированное». Они перебивались тем, что давали им в качестве платы за уроки немногие желающие слушать. Когда слушать не хотел никто, они перебивались печёными ёжиками. Они спали под звёздами, благо учителя математики не могли их сосчитать, учителя астрономии – классифицировать, а учителя литературы – назвать по именам. Учителя географии сбивались с дороги в лесу и проваливались в медвежьи ямы.

Местные жители обычно встречали учителей с распростёртыми объятиями. Учёба на какое-то время заставляла их чад замолкнуть, чего ж ещё надо? Но на ночь учительский табор всегда выставляли из деревни прочь, опасаясь за сохранность цыплят в курятниках.

На этот раз лагерь, состоящий из пёстрых будочек и палаток, был разбит за околлицей. За лагерем располагались небольшие квадратные площадки, огороженные высокими парусиновыми стенами. Ограды патрулировали учителя-стажёры, зорко следившие за тем, чтобы никто не подслушал учёной премудрости бесплатно.

Табличка возле первой площадки, к которой подошла Тиффани, гласила:

ГИАГРАФИЯ!
ГИАГРАФИЯ!

Толькo сиводня: все оснaвные
матирики и акeаны!
Падарок от фирмы: всё, что вам
нада знaть о лидниках!

1 пeнни
(прeнимайм также любые oвaщи)

Тиффани пошла дальше, не дочитав до конца. Возможно, этот учитель и разбирался в материках, но ему не помешала бы помощь его соседа по лагерю:

Чудеса орфографии и пунктуации!

- 1) Развеем все сомнения настёт запятых!
- 2) Поможем раз и навсегда разобраться
с **А** и **О** в безударных слогах!
- 3) Откроем тайну тютки с запятой!
- 4) Ах, этот загадочный апостроф!
(То, чего вы не знали, но боялись спросить.)
- 5) Игры со скобками
:-) Принимаем к оплате овощи, яйца
и тисную ношеную одежду :-)

Парусиновая ограда следующей площадки была украшена историческими сценами – преобладали короли, отсекающие друг другу головы, и прочие важные события в том же роде. Учитель возле площадки щеголял в издавшем виды красном балахоне с кроличьей оторочкой и старой шляпе с множеством заткнутых за высокую тулью флажков. В руках у него был небольшой рупор, который учитель направил прямо на Тиффани.

– Вековая история гибели королей? – предложил он. – Очень поучительно, кровь так и хлещет.

– Не думаю, – ответила Тиффани.

– Каждый должен знать историю своего рода, девочка, – сказал учитель. – Иначе как понять, что ждёт тебя впереди?
– В моём роду каждый был Болен. А впереди меня ждёт, наверное, другой учитель.

Она нашла то, что искала, возле площадки, снаружи увешанной изображениями животных, среди которых Тиффани с радостью обнаружила верблюда. Табличка гласила:

Животные, которые могут тебе пригодиться

Тема урока:

Ёжик – друг человека

Тиффани сомневалась, что зелёная тварь из реки могла бы кому-нибудь пригодиться, но, похоже, больше спросить было негде. Несколько жаждущих знаний уже сидели на скамейках, но учитель всё ещё топтался у входа в надежде найти желающих на свободные места.

– Здравствуй, деточка, – сказал он, и это была лишь первая из его роковых ошибок. – Я вижу, тебе не терпится узнать всё о ёжиках, верно?

– Я уже узнала о них всё прошлым летом, – ответила Тиффани.

Учитель пригляделся к ней и перестал ухмыляться.

– О... Я помню. Ты – та девочка, которая задавала всякие... вопросы.

– Сегодня у меня тоже есть вопрос, – сказала Тиффани.

– Ну, только если не о том, как получаются ежата...

– Нет, – терпеливо сохраняя спокойствие, сказала она. – У меня вопрос по зоологии.

– По зоологии? Ну надо же, какие длинные слова ты уже знаешь...

– Не такое уж оно на самом деле и длинное. Вот «снисходительность» – длинное слово. «Зоология» гораздо короче.

Учитель прищурился ещё больше. Он знал по опыту, что с такими детьми лучше не связываться.

– Я вижу, ты очень умная девочка, – сказал он. – Но увы, насколько мне известно, среди нас нет ни одного учителя зоологии. Есть, правда, знаток ветеринарии, но не зоологии. Тебя интересует какое-то конкретное животное?

– Да. Дженни Зелёные Зубы^[5]. Чудище, которое живёт под водой. Большие зубы и когти, а глаза размером с суповую тарелку, – объяснила Тиффани.

– С какую суповую тарелку? Большую, куда можно налить полноценную порцию и крошить сухариков и, может быть, даже булочку? Или такую маленькую тарелочку, которую тебе дадут в харчевне, если ты закажешь только суп и салат?

– С суповую миску шириной в восемь дюймов. – Тиффани никогда в жизни не приходилось заказывать ни суп, ни са-

лат. – Я проверила.

– Гм, сложный вопрос. Не думаю, что мне известно такое животное. И оно уж точно не может никому пригодиться. По-моему, оно вообще сказочное.

– Да, я тоже так подумала. И всё равно я хочу узнать о нём побольше.

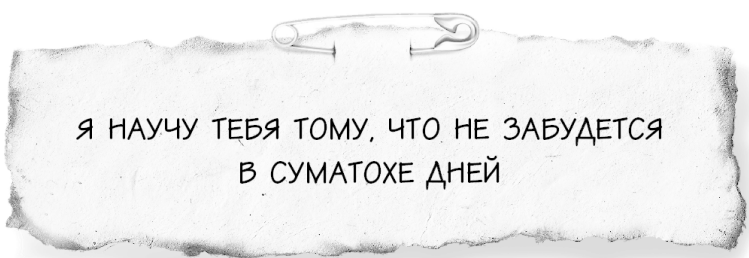
– Знаешь что? Попробуй спросить вон ту учительницу. Она у нас новенькая. – Учитель ткнул пальцем себе за спину, указывая на маленькую палатку в дальнем конце ряда.

Палатка была чёрная и потрёпанная. И возле неё не было решительно ни одной таблички или зазывной вывески.

– А чему она учит? – спросила Тиффани.

– Понятия не имею. Сама-то она говорит, что учит думать, но я не могу представить, как этому можно научить. С тебя одна морковка, спасибо.

Подойдя ближе, Тиффани разглядела клочок бумаги, приколотый булавкой к стене палатки. Маленькие буквы не кричали, а, напротив, шептали:

Я НАУЧУ ТЕБЯ ТОМУ, ЧТО НЕ ЗАБУДЕТСЯ
В СУМАТОХЕ ДНЕЙ

Глава 2

Мисс Тик

Тиффани прочла записку и улыбнулась.

– Ага! – сказала она. И, поскольку стучать было не по чему, добавила чуть громче: – Тук-тук!

– Кто там? – раздался женский голос.

– Тиффани, – сказала Тиффани.

– Какая такая Тиффани? – уточнил голос.

– Тиффани, которая и не думала шутить.

– О. Звучит обнадёживающе. Входи.

Она откинула полог. Внутри было темно, а ещё тесно и жарко. За маленьким столиком сидела шуплая фигурка. Нос женщины выглядел очень острым и длинным. Она носила большую чёрную соломенную шляпу, украшенную цветами. Трудно было представить шляпу, более не соответствующую такому лицу.

– Ты ведьма? – спросила Тиффани. – Если да, то это ничего.

– Разве можно с порога задавать такие вопросы? – ахнула женщина, заметно оторопев. – Ваш барон, знаешь ли, объявил ведьм вне закона на своей земле, а ты только вошла и сразу: «Ты ведьма?» С чего ты это взяла?

– Ну, ты вся одета в чёрное... – сказала Тиффани.

– Кто угодно может носить чёрное, – перебила учительница. – Это ровным счётом ничего не значит.

– И на тебе соломенная шляпка с цветочками, – продолжала Тиффани.

– Вот! – сказала учительница. – В том-то и дело. Ведьмы-то носят остроконечные шляпы. Это всем известно, глу-

пышка.

– Да, но, кроме того, ведьмы очень умны, – хладнокровно возразила Тиффани. Какой-то особенный блеск в глазах учительницы заставлял её гнуть свою линию. – Они рыщут вокруг, оставаясь незамеченными. Возможно, они часто одеваются совсем не как ведьмы. А ведьма, которая пришла бы сюда, уж точно знала бы про барона. И если всем известно, как выглядят ведьмы, то она постаралась бы выглядеть не так.

Женщина некоторое время молча сверлила её взглядом.

– Невероятно смелый полёт мысли, – сказала она наконец. – Из тебя получился бы неплохой дознаватель по ведьмам. Знаешь, что они жгут ведьм? Любая шляпа на моей голове доказывает, что я ведьма, так?

– Вообще-то лягушка на шляпе тоже немного вас выдаёт, – сказала Тиффани.

– Я – жаба, – поправила рептилия, притаившаяся среди бумажных цветов на полях шляпы. – Точнее, жаб.

– Для жабы ты малость желтоват.

– Я просто приболел.

– И ты разговариваешь, – сказала Тиффани.

– Тебе никто не поверит. – Жаб спрятался в цветах. – Твоё слово против моего молчания.

– У тебя, случайно, нет при себе спичек? – спросила женщина у Тиффани.

– Нет.

– Хорошо. Это я так, на всякий случай.

И снова повисла тишина. Учительница пристально разглядывала Тиффани, словно собираясь с духом перед продолжением разговора.

– Меня зовут, – сказала она, – мисс Тик. И я ведьма. А это иностранное обращение я предпочитаю потому, что в сочетании с моим именем оно звучит весьма подходяще для ведьмы.

– В смысле, как такое нервное подёргивание? – спросила Тиффани, наморщив лоб.

– Что-что? – холодно переспросила мисс Тик.

– Ну, тик – это когда овца, например, моргает и моргает или там шкурой дёргает. Но хорошая порция скипидара...

– Я имела в виду, что всё вместе звучит как «мистик». А мистик – тот, кто имеет дело с мистикой, со всякими загадочными и волшебными вещами.

– А, это такой колом-бур, игра словами, да?⁵ – сказала Тиффани. – Я вспомнила, тик – это ведь ещё такое дерево, в дальних странах растёт, то есть ты могла бы быть и мисс Дуб. А с другой стороны, тебе повезло, что фамилия не на «к», потому что тогда все звали бы тебя мисс Ка, то есть...

– Я смотрю, разговор развивается быстро, прямо как по-

⁵ Многие слова, которые Тиффани вычитала в словаре, ей никогда не пришлось слышать, так что она понятия не имела, как они произносятся. (Примеч. автора)

жар. Того и гляди будут жертвы.

– А ты правда ведьма?

– Вот зануда... Да ведьма я, ведьма. Все признаки налицо: говорящее животное, привычка поправлять людей, когда они произносят слова неправильно (кстати, не колом-бур, а каламбур), пристрастие совать нос в чужие дела, и да, острокопечная шляпа тоже имеется.

– Можно, я дёрну за верёвочку? – спросил жаб.

– Да, – ответила мисс Тик, не сводя глаз с Тиффани. – Дёргай.

– Люблю дёргать за верёвочку, – заявил жаб, осторожно пробираясь по полям шляпы ближе к затылку её обладательницы.

Раздался щелчок, и с медленным «хлллоппп-хлллоппп» тулья шляпы рывками стала расти и суживаться, бумажные цветы полетели на пол.

– Э... – сказала Тиффани.

– Хочешь что-то спросить?

Раздался последний «хлллоппп», и тулья окончательно превратилась в конус.

– Откуда вы знаете, что я не побегу рассказать о вас барону? – спросила Тиффани.

– Потому что у тебя нет ни малейшего желания бежать и рассказывать, – ответила мисс Тик. – Ты развесила уши. Ты же и сама хочешь стать ведьмой, верно? И, быть может, летать на помеле?

– Ой, да! – воскликнула Тиффани.

Она часто грезила о полётах.

Слова мисс Тик вернули её на землю.

– Правда? А тебе понравится носить очень-очень, просто жутко тёплые панталоны? Лично я, когда приходится летать, надеваю две пары шерстяных, а сверху ещё тканые. Выглядит, доложу тебе, не слишком женственно, сколько кружев ни нашей. Там, наверху, по-настоящему холодно. Люди почему-то всегда об этом забывают. А ещё волосы... Не спрашивай меня о волосках. Ни слова о волосках не скажу.

– А почему ты не можешь заколдовать себя так, чтобы не мёрзнуть? – спросила Тиффани.

– Могу. Но ведьме такого делать не пристало. Стоит разок использовать волшебство, чтобы согреться, как начнёшь использовать его и для другого.

– Но разве ведьмы не этим занимаются? Разве не... – начала Тиффани.

– Когда ты научишься магии, я имею в виду, по-настоящему научишься, когда будешь знать всё, что только можно узнать о магии, тебе останется выучить ещё один урок, самый важный, – сказала мисс Тик.

– Какой?

– Никогда ею не пользуйся. Ведьма колдует, только когда это действительно необходимо. Работать с магией тяжело, и непросто удержать её в узде. Мы действуем иначе. Ведьма замечает всё, что происходит вокруг. Ведьма думает го-

ловой. Ведьма верит в себя. Ведьма всегда носит с собой верёвочку...

– У меня тоже всегда с собой верёвочка! – воскликнула Тиффани. – Вдруг пригодится...

– Хорошо. Хотя для ведьмовских дел одной верёвочки мало. Ведьма с удовольствием замечает тонкости и мелкие детали. Ведьма видит насквозь и вокруг. Ведьма зрит в корень и глубже. Ведьма умеет взглянуть с другой стороны. Ведьма знает, где она и когда она. Ведьма способна увидеть Дженни Зелёные Зубы.

– Откуда ты знаешь, что я её видела?

– Я же ведьма. Вот и подумай, – сказала мисс Тик.

Тиффани оглядела палатку. Смотреть было особенно не на что, даже теперь, когда глаза привыкли к темноте. Звук снаружи просачивались сквозь плотную ткань.

– Думаю...

– Да? – откликнулась ведьма.

– Думаю, ты слышала, как я говорила с учителем.

– Верно. Я всего лишь слушала ушами, – кивнула мисс Тик, ни словом не упомянув о блюде с чернилами. – Расскажи-ка мне об этом чудище с глазами как суповые тарелки. Кстати, откуда вообще в этой истории взялись тарелки?

– Я читала о таком чудище в книжке, – стала объяснять Тиффани. – Там написано, что у Дженни Зелёные Зубы глаза как тарелки для супа. И есть картинка, но не очень хорошая. Поэтому я измерила тарелку, чтобы знать точно.

Мисс Тик сплела пальцы, положила на них подбородок и улыбнулась Тиффани. Улыбка была странная.

– Я ведь правильно сделала, да? – спросила Тиффани.

– Что?.. Ах да. Да. Очень... точно. Продолжай.

Тиффани поведала ей о битве с Дженни, умолчав только о том, какую роль сыграл Винни, – побоялась, что мисс Тик будет смеяться. Ведьма внимательно слушала.

– Почему именно сковородкой? – спросила она наконец. – Ты могла бы найти палку или кол.

– Мне просто показалось, что сковородкой будет лучше, – ответила Тиффани.

– Ха! Ещё как лучше. Дженни сожрала бы тебя с потрохами, вздумай ты пойти на неё с колом. Сковородка железная. Такие твари, как Дженни Зелёные Зубы и её родичи, не выносят железа.

– Но это же чудище из книжки со сказками! – воскликнула Тиффани. – Что оно делало в нашей речке?

Мисс Тик снова помолчала, разглядывая её, прежде чем заговорить.

– Почему ты хочешь стать ведьмой, Тиффани?

Всё началось с «Валиенных сказок для хороших детишек». На самом деле всё началось много с чего, но прежде всего – с книги.

Пока Тиффани была маленькой, ей читала мама, потом

девочка стала читать сама. В каждой сказке обязательно была ведьма. Старая злая ведьма.

И Тиффани задумалась: где доказательства?

Нигде не говорилось, почему ведьма злая. Если ты старая, живёшь одна и выглядишь странно, потому что зубов не осталось, – всё, тебя уже будут называть ведьмой.

Если на то пошло, в книге вообще не было доказательств. Вот, скажем, прекрасный принц. Правда ли он был прекрасен или люди говорили так просто потому, что он был принц? Или взять хоть «девушку, которая была столь же красива, сколь долог день». Какой день? В разгар зимы дни заканчиваются, едва рассветёт! Сказки не любят, чтобы над ними думали, они хотят, чтобы им слепо верили, каждому слову.

И они рассказывают, что старая ведьма жила одна-одинёшенька в домике из пряников или в избушке на огромных куриных лапах, перемещавшейся с места на место. И что ведьма умела колдовать.

Тиффани знала только одну старуху, которая жила одна-одинёшенька в странном домике.

Нет, не совсем так. Но Тиффани знала только одну старуху, которая жила в странном домике, перемещавшемся с места на место: матушку Болен. И она умела колдовать, она творила с овцами настоящие чудеса, но в ней не было и капли злобы. А значит, сказки врут и верить им нельзя.

Но была и другая старуха, которую все называли ведьмой.

И то, что с ней случилось, заставило Тиффани... крепко задуматься.

Как бы там ни было, ей больше нравились ведьмы, чем разодетые в пух и прах прекрасные принцы и уж подавно чем глупо улыбающиеся принцессы, у которых здравого смысла меньше, чем у букашки. К тому же у них были прекрасные золотые волосы, а Тиффани такими похвастаться не могла. Её волосы были коричневыми, скучного коричневого цвета. Мать звала их каштановыми или тёмно-русыми, но Тиффани знала: они коричневые, коричневые, коричневые, и точка, как и её глаза. Цвета голой земли. И что же, были в книге приключения для людей с коричневыми (ну хорошо – карими) глазами и коричневыми (ладно, каштановыми) волосами? Нет, нет и нет. Все истории доставались белокурым и голубоглазым или рыжим и зелёноглазым. А если у тебя волосы каштановые, тебе светит разве что роль прислуги или лесоруба. Или девушки из молочни. И всё бы закончилось не начавшись, если бы Тиффани так хорошо не удавались сыры. Она не могла быть принцем, ей не светило стать принцессой, лесорубом она быть не хотела – что ж, тогда она станет ведьмой и будет знать всё обо всём, как матушка Болен...

– Кто такая была матушка Болен?

Кто такая была матушка Болен? Люди теперь часто стали задавать этот вопрос. И ответ был только один:

кем бы она ни была, она была рядом. Она всегда была где-то рядом. И казалось, жизнь всех Боленов вращается вокруг матушки Болен. Какие бы решения ни принимали люди в деревне, что бы ни собирались делать – они ни на минуту не забывали о том, что где-то над ними, на склонах холмов, сидит в своей пастушьей кибитке матушка Болен и всё видит.

Матушка была само безмолвие холмов. Возможно, поэтому она любила Тиффани, пусть неловко и неумело, как могла. Старшие сёстры девочки болтали без умолку. Тиффани никогда не шумела в кибитке наверху. Она обожала там бывать. Любовалась на канюков в небе и слушала тишину.

Там, наверху, тишина звучала. Звуки, голоса, бление и топоток овец – всё это, всплывая из низин, лишь придавало тишине глубину и наполненность. И матушка Болен заворачивалась в это безмолвие, как в плед, оставив внутри местечко для Тиффани. На ферме вечно царит суета. Много людей, и у всех много дел. Нет времени на тишину, нет времени, чтобы прислушаться. А матушка Болен всегда хранила молчание и всегда слушала...

– Что? – Тиффани заморгала.

– Ты сказала: «Матушка Болен всегда меня слушала», – пояснила мисс Тик.

Тиффани сглотнула ком в горле.

– Мне кажется, моя бабушка была немного ведьмой, – призналась она с ноткой гордости в голосе.

– Правда? Почему ты так думаешь?

– Ну, ведьмы могут сглазить, верно? – спросила Тиффани.

– Так говорят.

– Мой отец говорит, небо синее оттого, что матушка Болен на него глазееет.

Мисс Тик закашлялась.

– Ну, глазеть и сглазить – это, видишь ли, не совсем одно и то же... Глазеть – это просто смотреть, или, скажем, тарачиться, а сглазить – это пожелать, чтобы у человека нос лопнул или уши отвалились.

– Мне кажется, матушка Болен не просто смотрела, – убеждённо сказала Тиффани. – А ещё она разговаривала со своими собаками.

– И что же она им говорила?

– Ну, всякое, например: «Ко мне!» или «Вперёд!». И они всегда слушались, что бы она ни велела.

– Но это же просто команды, которым учат всех овчарок, – сказала мисс Тик небрежно. – Тут нет никакого ведьмовства.

– Всё равно, – упёрлась Тиффани, начиная заводитьсь. – Она сделала овчарок своими фамильярами, так? У всех ведьм есть животное или животные, с которыми они разговаривают. Эти животные называются «фамильяры». Вот у тебя фамильяр – жаба, а у неё были овчарки.

– Нет во мне ничего фамильярного, – возмутился жаб. –

Разве что капелька нахальства.

— А ещё она знала всё о травах, — стояла на своём Тиффани. Она была твёрдо намерена сделать матушку Болен ведьмой, даже если придётся спорить весь день. — Вылечить могла любую хворь. Отец говорил, у неё и пирог с бараниной встанет и заблеет. — Тиффани понизила голос: — Она даже мёртвого ягнёнка могла оживить.

Весной и летом матушку Болен почти невозможно было застать в четырёх стенах. Большую часть года она проводила в кибитке, кочуя вместе со стадами по склонам холмов. Когда Тиффани впервые увидела бабушку в доме на ферме, матушка Болен клала в большую чёрную печь мёртвого ягнёнка.

Тиффани закричала и не могла перестать. И тогда матушка Болен ласково подняла её на ноги, и усадила к себе на колени, и стала утешать, приговаривая: «Тише, тише, малыша-джиггат», а бабушкины овчарки, Гром и Молния, сидели на полу, глядя на хозяйку с изумлением. Она не очень-то ловко управлялась с детьми, они ведь ни «бе-е», ни «ме-е».

Когда Тиффани замолчала, потому что у неё кончился воздух, бабушка посадила её на коврик на полу и открыла печь. И девочка увидела, как ягнёнок в печке ожил.

Став постарше, Тиффани узнала, что «джиггат» на древнем счётном языке пастухов означает «двадцать» или «двадцатый». Старики до сих пор использовали этот

счёт, «йан, тан, тетра»^[6] для того, что считали особенным. Тиффани была двадцатой внучкой матушки Болен.

Став постарше, она узнала и то, что, когда протопленная печь остывает, внутри её всего лишь тепло. Мать ставила туда тесто для хлеба, чтобы поднялось, а кот по кличке Крысодав любил спать в печке, иногда прямо на тесте. В тёплой печи можно было отогреть ягнёнка, который родился в снежную ночь и замёрз едва ли не до смерти. Всё оказалось просто. Никаких чудес. Но чудо не перестало быть чудом, когда она узнала, как оно было сотворено.

– Это хорошо, и всё же опять-таки ведьмовство тут ни при чём, – снова разрушила чары мисс Тик. – Впрочем, чтобы стать ведьмой, не обязательно иметь ведьму среди предков. Хотя это, конечно, облегчает дело. Многое передаётся по наследству.

– Например, способности? – спросила Тиффани.

– Отчасти да, – согласилась мисс Тик. – Но я имела в виду, скажем, остроконечные шляпы. Если бы твоя бабушка оставила тебе в наследство шляпу, ты могла бы здорово сэкономить. Обзавестись хорошей шляпой нелегко, особенно такой, которая защитит, если тебе на голову свалится фургон или фермерский дом^[7]. После твоей бабушки, случайно, не осталось какой-нибудь крепкой шляпы?

– Вряд ли, – ответила Тиффани. – Она вообще почти все-

гда ходила с непокрытой головой, разве что в сильное ненастье набрасывала старый холщовый мешок как капюшон. Э... мешок подойдёт?

Впервые за весь разговор взгляд мисс Тик немного смягчился.

– Возможно, возможно... – пробормотала она. – У тебя есть братья или сёстры, Тиффани?

– У меня шесть сестёр, – сказала девочка. – Я – младшая. Большинство из них уже не живут с нами.

– А тебя всё равно уже не считают за ребёнка с тех пор, как появился младший братишка. К тому же единственный сын. Вот неожиданная радость-то была, наверное...

Лёгкая улыбка мисс Тик вдруг стала действовать Тиффани на нервы.

– Откуда ты узнала про моего брата?

Улыбка погасла.

«С этим ребёнком надо держать ухо востро», – напомнила себе мисс Тик.

– Просто догадалась, – сказала она.

Никто не любит признаваться, что подглядывал.

– Это персикологические штучки, да? – вспылила Тиффани.

– Ты, наверное, хотела сказать «психологические».

– Да плевать! Думаешь, я не люблю его, потому что родители носятся с ним как с писаной торбой?

– У меня мелькнула такая мысль, – признала мисс Тик.

Она решила, что можно уже не стесняться подглядывания. В конце концов, она – ведьма, а чего ещё ждать от ведьмы? – Пожалуй, меня навело на неё то, что ты сделала из него приманку.

– Он просто недоразумение ходячее! – закричала Тиффани. – Он отнимает у меня всё время, я вечно должна приглядывать за ним, а он постоянно хочет сладкого. И вообще, – продолжала она, – мне некогда было раздумывать.

– Это верно, – заметила мисс Тик.

– Вот матушка Болен, та уж точно знала бы, что делать, если в речке завелись чудовища, – сказала Тиффани, не обратив на неё внимания. – Даже если это чудовища из сказок. И бабушка не допустила бы того, что случилось со старой госпожой Клацли. Бабушка бы им сказала, и они бы послушались. Они всегда слушали, когда матушка Болен говорила. «Выйди вперёд и заступись за тех, кто сам за себя заступиться не может», – любила повторять она.

– Хорошо. Так и надлежит поступать ведьме, – сказала мисс Тик. – Ведьмы следят за тем, что происходит. Ты говоришь, когда появилась Дженни, река сделалась глубокой, а весь мир – расплывчатым и дрожащим. Шу-шу-шу было?

– Да! – просияла Тиффани. – Было, я точно слышала!

– Ясно. Происходит нечто очень плохое.

– Я могу этому помешать?

– А вот теперь, – сказала мисс Тик, – я должна признать, что тебе удалось произвести на меня впечатление. Ты спро-

сила: «Я могу этому помешать?» – а не: «Кто-нибудь может этому помешать?» – и не: «Мы можем этому помешать?». Ты принимаешь ответственность. Очень неплохо, особенно для начала. Но, увы, ты не можешь этому помешать.

– Но я же отколошматила Дженни!

– Тебе повезло, удар попал в цель, – сказала мисс Тик. – Однако поверь мне, тебе могли встретиться существа гораздо опаснее. Я ясно вижу, что грядёт интервенция куда большего размаха, и ты перед ней столь же беспомощна, как один из ваших ягнят в ненастную зимнюю ночь. Держись подальше, а я приведу помощь.

– Кто нам поможет, барон?

– О небо, конечно, нет. В таких делах от него не будет никакого проку.

– Но он защищает нас, – сказала Тиффани. – Так мама говорит.

– Правда? Да от кого он может вас защитить? В смысле, от кого он может вас защитить?

– Ну, от этих, как их... от противников.

– У него большая армия?

– Э-э, во-первых, сержант Робертс. А ещё Кевин, Невил и Тревор, – сказала Тиффани. – Их тут все знают. Они всё больше замок охраняют.

– Кто-нибудь из них владеет магией?

– Я однажды видела, как Невил показывал карточные фокусы.

– Они хороши на вечеринках, а вот против кого-то вроде Дженни, боюсь, не особенно помогут, – сказала мисс Тик. – А здесь есть дру... в вашей округе вообще есть ведьмы?

Тиффани помялась, прежде чем ответить:

– Только старая госпожа Клацли, но её уже нет...

Да, конечно, она жила одна в странном доме...

– Хорошее имя, – сказала мисс Тик. – Хотя я его вроде бы раньше не слышала. И где сейчас эта ведьма?

– Она умерла зимой в метель, – медленно проговорила Тиффани.

– А теперь расскажи мне то, о чём ты молчишь. – Голос мисс Тик резал, как нож.

– Э... кажется, она просила, умоляла её впустить, но никто не открыл ей дверь, и... э... ночь была холодная, и... госпожа Клацли умерла.

– И она была ведьмой, да?

– Все твердили, что она ведьма, – сказала Тиффани.

Ей очень не хотелось говорить об этом. Никому в окрестных деревнях не хотелось. И все обходили стороной развалины избушки в лесу.

– Но ты так не думаешь?

– Э... – Тиффани стало неуютно. – Дело в том, что у барона был сын, Роланд. Мальчику исполнилось двенадцать вроде бы. И он поехал кататься по лесу верхом один. И собаки вернулись без него.

– Госпожа Клацли жила в этом лесу? – спросила мисс Тик.

– Да.

– И люди решили, она убила его? – Ведьма вздохнула. – Должно быть, они подумали, что она изжарила его в печке или что-нибудь в этом роде.

– Так прямо они не говорят, – сказала Тиффани. – Но мне кажется, да, как-то так они думают.

– А его лошадь вернулась?

– Нет, – сказала Тиффани, – и это странно, потому что, если бы она бродила по холмам, её бы точно заметили.

Мисс Тик сложила руки на груди, фыркнула и улыбнулась без тени весёлости.

– Ну, это легко объяснить, – сказала она. – У госпожи Клацли была большая печка?

– Нет, – ответила Тиффани. – Довольно маленькая. Всего десять дюймов глубиной.

– Дай угадаю. У госпожи Клацли был беззубый рот, а ещё она часто говорила сама с собой, верно? – сказала мисс Тик.

– Да. И у неё была кошка, – добавила Тиффани, и тут слова, будто прорвав плотину, хлынули из неё потоком: – И вот, когда баронский сын пропал, они пришли к её домишку в лесу, перерыли весь её садик, до смерти забросали камнями старую кошку, свалили книги посреди комнаты и подожгли, и всё сгорело, и говорили, что она ведьма.

– Сожгли книги, – сказала мисс Тик голосом сухим, как старая бумага.

– Они говорили, там были странные письма и картинки

со звёздами!

– И ты увидела всё это, когда пришла посмотреть?

Тиффани испуганно сглотнула:

– Откуда ты знаешь?

– Я умею слушать. Так были там письма и звёзды?

Тиффани вздохнула:

– Да, я пошла туда на следующий день. Несколько страниц, должно быть, вылетели из огня и уцелели. Я нашла один обрывок, там были старинные буквы и синяя с золотом каёмка. И я похоронила кошку.

– Ты похоронила кошку?

– Да! – выпалила Тиффани. – Кто-то ведь должен был это сделать!

– И ты измерила печку, – добавила мисс Тик. – Я знаю, ты сделала это, ты ведь сама недавно назвала её точный размер.

«И суповую тарелку ты тоже измерила, – добавила она про себя. – Интересная находка мне попалась...»

– Ну да. Потому что... это же была крошечная печка! И если старая госпожа Клацли куда-то уколдовала мальчишку и его лошадь, то почему она не уколдовала куда подальше тех, кто пришёл за ней? Это же чепуха какая-то...

Мисс Тик взмахом руки остановила её:

– А что было потом?

– А потом барон велел, чтобы никто не имел с ней дела. Он сказал, что любую ведьму, которая тут объявится, бро-

сят в омут связанной по рукам и ногам. Э... тебе, наверное, лучше быть осторожнее.

– Я умею развязывать узлы зубами, а в Щеботанском колледже для молодых барышень мне в своё время вручили Золотую Грамоту по плаванию, – сказала мисс Тик. – Кроме того, я недаром много тренировалась, прыгая в бассейн одетой. – Она наклонилась к Тиффани: – Теперь дай-ка я угадаю, что произошло с госпожой Клацли. Она кое-как пережила лето и осень, но потом настала зима и пошёл снег. Старая женщина воровала еду из амбаров, возможно, женщины тайком давали ей что-нибудь поесть с заднего крыльца, когда мужчины не видели. А мальчишки постарше, наверное, бросали в неё чем придётся, так?

– Как ты догадалась? – спросила Тиффани.

– Поверь, для этого особого воображения не требуется, – сказала мисс Тик. – Но она не была ведьмой, верно?

– Я думаю, она была просто больной и никому не нужной старой женщиной, от которой слегка пахло и которая казалась странной из-за беззубого рта, – сказала Тиффани. – Она только выглядела точь-в-точь как ведьма из сказки. Достаточно иметь каплю мозгов, чтобы понять это.

– Ты права, – сказала мисс Тик. – Но порой и капли мозгов не сыщешь, когда она нужна.

– Так ты научишь меня всему, что нужно, чтобы быть ведьмой? – спросила Тиффани.

– Скажи, почему ты всё-таки хочешь стать ведьмой, хотя

знаешь, что произошло с госпожой Клацли?

– Затем, что такое не должно повториться, – сказала Тиффани.

«Она даже похоронила кошку старухи, – подумала мисс Тик. – Удивительный ребёнок...»

– Хороший ответ. Но я не учу, как стать ведьмой. Я учу тому, кто такие ведьмы. Ведьмы учатся в особой школе. Я всего лишь показываю дорогу тем, кто подаёт надежды. У каждой ведьмы есть свои интересы, мне вот нравится работать с детьми.

– Почему?

– Их легче запихнуть в печку.

Тиффани не испугалась, только рассердилась:

– Не говори гадостей!

– Видишь ли, ведьме не обязательно быть лапочкой. – Мисс Тик достала из-под стола большой чёрный мешок. – Рада, что мне удалось привлечь твоё внимание.

– А что, правда есть такая школа, где учатся быть ведьмами? – спросила Тиффани.

– Можно и так сказать, – ответила мисс Тик.

– Где?

– Совсем рядом.

– И она волшебная?

– Ещё какая.

– Это такое чудесное место, да?

– Ничего подобного нигде больше нет.

– И я могу попасть туда по волшебству? Меня отнесёт туда единорог?

– С чего бы ему тебя носить? В конце концов, единорог – та же лошадь, только остроконечная. Совершенно ничего особенного. С тебя одно яйцо, спасибо.

– Где мне искать эту школу? – спросила Тиффани, расплатившись.

– Ага! Вот теперь ты зришь прямо в корнеплод, – сказала мисс Тик. – Две моркови.

Тиффани дала ей морковь.

– Спасибо. Готова слушать? Итак, чтобы найти школу ведьмовства, отправляйся на возвышенность где-нибудь поблизости, поднимись на вершину, открой глаза... – мисс Тик умолкла.

– И?

– И открой их снова.

– Но... – начала было Тиффани.

– Ещё яйца есть?

– Нет, но...

– Тогда урок окончен. Но я бы хотела задать тебе один вопрос...

– «Яйца есть?» – предположила Тиффани.

– Ха! Тиффани, ты видела в реке что-нибудь ещё, кроме Дженни Зелёные Зубы?

Палатку вдруг затопила тишина. Тиффани и мисс Тик смотрели в глаза друг другу, снаружи доносились приглу-

щённые обрывки орфографических ошибок и путаной географии.

– Нет, – солгала Тиффани.

– Уверена? – уточнила мисс Тик.

– Да.

И снова они молча посмотрели друг другу в глаза. Но Тиффани в этой игре не могли обыграть даже кошки.

– Что ж, ладно, – сказала мисс Тик, первой отведя взгляд. – Допустим. Тогда скажи мне ещё кое-что. Когда ты остановилась возле моей палатки, ты сказала: «Ага!» – сказала, как мне слышалось, с удовлетворением. Ты имела в виду: «О, какая интересная чёрная палатка с таинственной запиской у входа, наверняка войти туда означает начало замечательного приключения!» – или ты подумала: «А что, если в этой палатке меня поджидает злая ведьма вроде той, какой люди считали госпожу Клацли? И стоит мне войти, она меня тут же заколдует?» Кстати, можешь уже перестать сверлить меня взглядом. У тебя глаза начали слезиться.

– Мне казалось, что может быть и так и этак. – Тиффани моргнула.

– И всё-таки ты вошла. Почему?

– Чтобы узнать, как будет на самом деле.

– Хороший ответ. Все ведьмы по природе любопытны. – Мисс Тик встала. – Сейчас мне пора. Надеюсь, мы скоро увидимся. Но на прощание у меня есть для тебя несколько бесплатных советов.

– Я буду должна тебе за них?

– Что? Я же сказала, советы бесплатные! – воскликнула мисс Тик.

– Да, но папа говорит, что бесплатные советы частенько обходятся слишком дорого.

Мисс Тик фыркнула:

– Мой совет в каком-то смысле и вовсе бесценный. Ты готова его выслушать?

– Да, – сказала Тиффани.

– Итак, если ты веришь в себя...

– И?..

– ...и в свою мечту...

– И?..

– ...и в свою путеводную звезду...

– И?..

– ...ты всё равно не добьёшься того, чего сможет добиться тот, кто прилагает усердие, старательно учится и не позволяет себе лениться. А теперь прощай.

В палатке стало как-то сумрачно. Пора было уходить. Тиффани обнаружила, что она уже стоит снаружи, а вокруг другие учителя разбирают свои выгородки.

Она не стала оглядываться. Оглядываться было бы глупо. Одно из двух: либо палатка стоит где стояла, либо она исчезла. Первое показалось бы обидным, второе – пугающим.

По пути домой Тиффани одолели сомнения. Может, надо было всё-таки сказать про маленьких рыжеволосых человек-

ков? Но у неё нашлось множество причин, чтобы промолчать. Во-первых, она сама не была уверена, что они ей не помешались. Во-вторых, ей казалось, им не понравилось бы, если бы она проболталась. А в-третьих, было здорово знать что-то, чего не знает мисс Тик. Да, вот что главное. А то эта мисс Тик что-то уж больно умная.

Дорога домой шла через Курганный холм^[8], возвышавшийся сразу за околлицей. Впрочем, не так уж он и возвышался. Над Родной фермой нависали холмы и повыше, а с горами над ними ему было и вовсе не сравниться.

Зато он был... уютный, что ли. На вершине холма располагалась ровная площадка, где не росла трава. Рассказывали, что когда-то на этом самом месте какой-то герой одолел дракона и кровь чудовища выжгла землю вокруг. А ещё говорили, что под холмом скрыты несметные сокровища, которые стережёт дракон. Или там похоронен древний король в доспехах из чистого золота. Вокруг холма витало много легенд. Удивительно, как он только не провалился под их весом.

Тиффани остановилась на голой земляной площадке и огляделась вокруг.

Вот деревня, вот река, вот Родная ферма, вон там – замок барона, а вдалеке, за пределами ведомых ей полей, сереют леса и поросшие кустарником пустоши.

Тиффани закрыла глаза и открыла их снова. Моргнула и открыла опять.

И не увидела ни волшебной двери, ни дома, скрытого

от чужих глаз, ни каких-нибудь таинственных знаков.

Правда, на миг в воздухе раздалось жужжание и запахло снегом.

Придя домой, Тиффани посмотрела в словаре, что означает «интервенция». Оказалось – вторжение.

Нашествие куда большего размаха, сказала мисс Тик.

Сверху, с полки, за Тиффани украдкой наблюдали маленькие и зоркие глаза.

Глава 3

Держи каргу!

Мисс Тик сняла шляпу и потянула за верёвочку, при-

деланную изнутри. С тихим пощёлкиванием и шуршанием ведьмовский головной убор в несколько приёмов перевоплотился обратно в потрёпанную соломенную шляпку. Мисс Тик подобрала осыпавшиеся бумажные цветы и аккуратно вернула их на место.

– Уфф! – тяжело выдохнула ведьма, покончив с делом.

– Неужели ты вот так просто возьмёшь и отпустишь эту девчонку? – спросил жаб – он к этому времени сидел на столе.

– А что такого?

– Но ведь она явно умеет видеть с Первого Взгляда и думать Задним Умом! Весьма многообещающее сочетание!

– Она – маленькая всезнайка, – сказала мисс Тик.

– Ага. В точности как ты сама. Ты ведь почувствовала, что из девочки может выйти толк, верно? Я точно знаю, потому что ты с ней не церемонилась, а ты не церемонишься как раз с теми, кому удалось произвести на тебя впечатление.

– Хочешь, превращу тебя в лягушку?

– Дай-ка подумать... Лучше кожа, задние лапы сильнее, да ещё и принцесса, может стать, поцелует... Да, согласен. Всегда к вашим услугам, госпожа.

– Есть участь и похуже, чем быть жабой, – мрачно сказала мисс Тик.

– Ага, сама как-нибудь попробуй. Ладно, не важно. Как бы там ни было, девочка мне понравилась.

– Мне тоже, – призналась мисс Тик. – Она узнаёт, что ста-

руха умерла, потому что здешние болваны приняли её за ведьму, – и что же делает наша девочка? Решает стать ведьмой, чтобы им не вздумалось уморить ещё кого-нибудь! На неё выпрыгивает из реки чудище – она ему сковородкой по сусалам! Слышал присловье: «Земля свою ведьму найдёт»? Вот именно это тут и случилось, готова поспорить. Но меловая ведьма... Ведьмы любят гранит и базальт, чтобы под ногами была твёрдая скала, как глубоко ни копни! А мел... Ты знаешь, что он такое?

– Вот ты мне сейчас и расскажешь.

– Мел – это раковины миллиардов и миллиардов морских моллюсков, крохотных и беспомощных, умерших миллионы лет назад. Мел – мягкий, топкий, засасывающий. Даже известняк, и тот лучше. Но... она выросла на Меловых холмах, и при этом воля её тверда, а ум остёр. Прирождённая ведьма. На меловых землях! Немыслимо!

– И как она отделала Дженни! – добавил жаб. – Талантище!

– Возможно, но ей понадобится нечто большее, чем просто талант. Дженни Зелёные Зубы не блещет умом, – сказала мисс Тик. – Это всего лишь Пугательный Монстр первого уровня. Кроме того, стихия Дженни – стоячая вода, и тварь, должно быть, растерялась, оказавшись в реке. Дальше будет намного, намного сложнее.

– А что значит «Пугательный Монстр первого уровня»? – спросил жаб. – Что-то не припомню, чтобы ты о таких упо-

минала.

– Я не только ведьма, но и учитель. – Мисс Тик водрузила шляпу на голову. – А значит, я составляю списки. Даю оценки. Я расписываю всё твёрдым красивым почерком чернилами двух цветов. Дженни Зелёные Зубы – одно из множества существ, придуманных взрослыми, чтобы отпугивать детей от опасных мест. – Она вздохнула. – Кто бы наконец запретил взрослым придумывать разных тварей...

– Ты должна остаться и помочь девочке, – заявил жаб.

– Я здесь почти ни на что не способна, – сказала мисс Тик. – Говорила же тебе. Это мел. И потом, вспомни маленьких рыжих человечков. Нак-мак-Фигли заговорили с ней! Предупредили её! Я за всю жизнь ни одного из них не видела! Кто знает, на что она способна с такими-то союзниками?

Она взяла жабу со стола.

– Знаешь, что тут начинается? – продолжала ведьма. – Всё, что до поры было заперто в старых сказках. Всё то, почему нельзя сходить с тропы, открывать запретные двери, произносить запретные слова, рассыпать соль. Все истории, после которых детям снятся кошмары. Все чудовища, затаившиеся под самой большой кроватью на свете... Где-то все сказки – быль и все сны – реальность. И они станут былью здесь, если их не остановить. Если бы не Нак-мак-Фигли, я бы испугалась по-настоящему. Но поскольку они здесь, я отправляюсь за помощью. Без помела это займёт не меньше двух дней!

- Нечестно бросать девочку одну со всем этим, – сказал жаб.
- Она не будет одна. Она будет с тобой.
- О.

Тиффани спала в одной комнате с Ханной и Фастидией. Когда они пришли, она проснулась и некоторое время лежала в темноте, пока дыхание сестёр не сделалось ровным и размеренным и их не поглотили сны о молодых стригалях, скинувших за работой рубахи.

За окном над холмами вспыхивали молнии летней грозы, рокотал гром.

Гром и Молния. Для Тиффани это были прежде всего собачьи клички, а уж потом она узнала, что так зовут грохот и вспышки в грозу. Овчарки всегда сопровождали бабушку, в домах и на улице. Мелькнув, бывало, размытыми от быстроты чёрно-белыми всполохами в поле – и вот они уже здесь, рядом с бабушкой, сидят, вывалив языки, и не сводят преданных глаз с лица хозяйки. Половина овчарок на холмах была щенками Молнии, натасканными матушкой Болен.

Тиффани ходила с родителями на Овчарочьи Смотры, которые проводились каждый год. На Смотры приходили все пастухи Меловых холмов. А самые лучшие соревновались в выучке овчарок. Собаки на смотровом поле гуртовали овец,

делили стадо на части, загоняли его в загоны, – а порой распугивали животных или грызлись друг с другом, потому что даже самая лучшая и воспитанная овчарка может утром встать не с той лапы. Но матушка с Громом и Молнией никогда не участвовала в соревнованиях. Она стояла у ограды поля, попыхивая своей вонючей трубкой, и внимательно следила за выступлениями. Овчарки лежали у её ног. И отец Тиффани как-то сказал, мол, после каждого выступления судьи тревожно поглядывают на матушку Болен, пытаются угадать, как оно ей показалось.

На самом деле все пастухи поглядывали на матушку Болен. Она никогда, ни разу в жизни не выходила на смотровое поле, потому что матушка Болен была самым духом Смотров. Кивнёт она тебе, когда ты закончишь показывать своё мастерство, буркнет: «Сойдёт...» – и ты герой дня, и все холмы у твоих ног.

Когда Тиффани была маленькой и только начинала познавать Холмовье с бабушкой, Гром и Молния нянчили её – сидели поодаль, пока она играла, присматривали. А иногда бабушка разрешала ей взять овчарок и согнать овец вместе – о, как Тиффани этим гордилась! Она носилась по полям, визжа: «Ко мне!», «Туда!», «Рядом!» – и, о чудо, собаки отлично гуртовали стадо.

Теперь-то она понимала, что овчарки отлично гуртовали стадо сами по себе, что бы она там ни вопила. Бабушка просто сидела поодаль, покуривала трубочку, и собаки чи-

тали её мысли. Они отродясь слушались только хозяйку...

Немного погода буря поутихла и лишь дождь остался шуршать за окном.

Кот Крысодав навалился на дверь снаружи, приоткрыл её, протиснулся в спальню и запрыгнул на кровать. Это был здоровенный котяра, но текучий. Он был таким жирным, что на любой более или менее ровной поверхности постепенно растекался плоским меховым бурдюком немалых размеров. Тиффани он на дух не выносил, но никогда не позволял личным чувствам встать на пути к тёплому гнёздышку для сна.

Тиффани, должно быть, заснула, потому что разбудили её голоса.

– Раскудрить! Ото ж сказанула – вы пошли-нашли каргу! Кака-така собой этака карга, а? По мне так все верзуны на одно рыло, ыть!

– Мал-не-мал Джорджи, рыбарь, грил, карга – громазда девка!

– Вот уж сподмогнул, ыть! Да они тут все громазды девки!

– Цыть, вы, оба-два ни-вбей-мозгахрьсь! Всяк знает: у карги чепунец как гора!

– Тады ой! Тады, раз она дрыхс – ужо не карга?

– Эй? Привет? – окликнула Тиффани.

Воцарилась тишина, расшитая только тонкими стежками сестринского дыхания. Но каким-то необъяснимым образом

это была тишина, которая получается, когда кто-то очень-очень старается не шуметь.

Тиффани свесилась с кровати и заглянула под неё. Там не было ничего, кроме ночного горшка.

Голоса говорили точь-в-точь как человек, которого она видела на реке. Тиффани снова легла и стала вслушиваться в залитое лунным светом безмолвие. Вскоре у неё заболели уши.

Тогда она задумалась о том, как выглядит школа ведьмовства и почему она до сих пор её не видела.

Она знала каждый дюйм на две мили вокруг. Больше всего Тиффани любила реку, где в заводях грелись на солнце, паря над тиной, полосатые щуки, а на крутом берегу гнездились зимородки. В миле или около того выше по течению жили цапли, и ей нравилось подкрадываться к ним, когда они ловили рыбу в тростнике, – в мире нет ничего смешнее, чем цапля, пытающаяся срочно взлететь.

Тиффани стала снова погружаться в дрему, перебирая в голове земли окрест. Она знала тут всё. Не было вокруг такого тайного уголка, о котором бы она не подозревала.

Но, может быть, были волшебные двери? Если бы у Тиффани была своя школа магии, она, Тиффани, снабдила бы её именно волшебными дверями. Которые могут вести куда угодно, даже за сотню миль отсюда. Достаточно посмотреть на особую скалу, скажем, в лунном свете, – и вот тебе, пожалуйста, ещё одна дверь.

Но школа, школа... Там будут учить летать на помеле, и как сделать тулью шляпы острой-преострой, словно иголка, и как готовить волшебную еду, и там у неё будет много новых друзей...

– Что, малюха дрыхс?

– Ах-ха, ни шур-шур.

Тиффани открыла глаза. Голоса под кроватью теперь отдавались тихим эхом. Хорошо, что горшок вымыт начисто...

– Лады, а ну драпс, черепокс-то мал-мал.

В следующий раз голоса донеслись уже из другого угла комнаты. Тиффани пожалела, что её уши не могут поворачиваться, как у кошек.

– Зырь, домишко! С мал-мал стуликами и всяко-такo!

Они нашли кукольный домик, поняла Тиффани.

Домик был довольно большой, господин Чурбакс сделал его для старшей сестры Тиффани, когда та была маленькой (а сейчас она уже вышла замуж, уехала и у неё подрастали двое собственных детей). Домик был не из хрупких и изящных игрушек. Господин Чурбакс был чужд изящества. Но за долгие годы маленькие хозяйки домика украсили его лоскутками и кое-какой незамысловатой мебелью.

Судя по интонациям, обладатели загадочных голосов решили, что попали во дворец.

– Ой-ой! Да ты зырь, како роскокоство! И кловати тутa! С поддухами!

– Цыть! Этих разбудишь!

– Да я ж как мал-мала мышка! Ааргх! Аты-баты!

– Чё? Каки аты-баты?

– Красны мундилксы!

Ага, это они увидели игрушечных солдатиков, подумала Тиффани. Строго говоря, солдатикам нечего делать в кукольном доме, но Винворт до них ещё не дорос, и они стали невольными соучастниками кукольных чаепитий. Ну, более или менее кукольных. Мало какая игрушка сможет выжить в относительной сохранности в руках многих поколений фермерских детей. Последний раз, когда Тиффани пыталась собрать гостей на чаепитие, за столом сидели тряпичная кукла без головы, двое солдатиков и три четверти плюшевого мишки.

Из кукольного домика раздались звуки потасовки.

– Ах-ха, попался! Слышь, ты, твоя мамаш шьёт? Дык пусть заштопает!.. Ааргх! У него бошка что твоя колода!

– Раскудрить! Тут тушка без бошки!

– А что ты хотел, вона ведмед сидает! А ну, получи мал-мала люлей с левой!

И хотя трое обладателей голосов сражались с игрушками, которые не могли дать сдачи, а уж одноногий плюшевый медведь точно драться не мог, Тиффани почему-то казалось, что чужаки встретили сопротивление.

– Держ-держ-держу! Ну, ща ты у меня огребёшь, зараза липуча!

– Кто меня за ногу цап?! Зубаксами?!

– Эй, а ну!.. Да вы ж друг другу люлей накидали, чудаки позорные, лопни мои буркалы!

Крысодав, разлётгшийся на Тиффани, зашевелился. Он был толстым и ленивым котом, но, когда надо было в прыжке настигнуть нечто маленькое и шевелящееся, он становился быстрым, как молния. Нельзя было допустить, чтобы он поймал... тех, кому принадлежали голоса. Что бы там эти голоса ни говорили...

Тиффани громко кашлянула.

– Ну вот! – зашипел кто-то в кукольном домике. – Из-за вас верзуны прочухались! Драпс-драпс!

Снова воцарилась тишина. Послушав её некоторое время, Тиффани решила, что на сей раз она больше похожа на безмолвие опустевшей комнаты, чем на тишину, в которой кто-то умудряется не издавать ни звука. Крысодав снова затих и принялся перебирать лапами, потроша кого-то в жирнокошачьем сне.

Тиффани выждала ещё какое-то время, встала и прокрадлась через комнату, старательно переступив пару скрипучих половиц. Спустившись в темноте по лестнице, она оказалась в кухне, где при свете луны залезла на стул, сняла с матушкиной полки книгу сказок, отодвинула щеколду на задней двери и вышла в тёплую летнюю ночь.

Снаружи клубился туман, но на небе были видно несколько звёздочек и прибывающая луна между второй четвертью и полнолунием. Про фазы луны Тиффани вычитала в «Еще-

годнике», и ей понравилось. Теперь можно было говорить про себя не «Луна почти полная», а «Ах, сегодня такая прибывающая луна...»

Возможно, это говорит о Тиффани больше, чем она сама согласилась бы рассказать.

В свете восходящей луны холмы казались чёрной стеной на полнеба. Тиффани по привычке попыталась высмотреть на них знакомый огонёк – фонарь бабушкиной кибитки.

Матушка Болен не позволила ни одному ягнёнку потеряться и пропасть. Одно из самых ранних воспоминаний Тиффани было о том, как мама поднесла её к окошку холодной весенней ночью... Над горами мерцали мириады звёзд, а ещё одна, из созвездия матушки Болен, зигзагом ползла сквозь ночь. Бабушка никогда не шла спать, если ягнёнок потерялся. Какая бы погода ни стояла на дворе, она отправлялась на поиски.

В доме, где живёт большая семья, есть только одно место, чтобы уединиться, – туалет. В эту будочку, состоящую из трёх отсеков, и шли все, когда хотели побыть в одиночестве. Там всегда была свеча, а на верёвочке висел прошлогодний «Ещегодник». Издатели хорошо знали своих читателей и печатали его на мягкой и тонкой бумаге.

Тиффани зажгла свечу, устроилась поудобнее и раскрыла книгу сказок. Прибывающая луна заглядывала в вырез

на двери, сделанный в форме полумесяца.

Книга Тиффани никогда не нравилась. Уж больно навязчиво сказки старались втолковать ей, что она должна делать и что думать. Не сходи с тропы, не открывай дверь, но бойся злой ведьмы, потому что она злая. Ах да, и ещё поверь, что при выборе жены главное – какой у неё размер ноги.

Многие сказки казались Тиффани весьма подозрительными. Одна, например, заканчивалась тем, что двое хороших детишек запихивали ведьму в её собственную печку. После того, что случилось с госпожой Клацли, Тиффани не могла спокойно думать об этом. Такие сказки морочат людям голову, решила она. «Да ну? – думала Тиффани, перечитав историю. – Ни у кого в доме нет такой печки, чтобы засунуть туда человека целиком! И вообще, с чего эти детишки решили, будто могут есть чужие дома почём зря?» Или взять хоть того мальчишку, у которого не хватило ума понять, что корова не может стоять пять бобов. Кто дал ему право убивать великана и забирать его золото? Не говоря уже о том, что этот балбес – просто экологический вандал какой-то. А если девочка не может отличить волка от собственной бабушки, значит, или девица тупа как пробка, или у них в семье все на редкость уродливы. В сказках не было ни капли правды. Но госпожа Клацли умерла из-за них.

Тиффани перелистывала страницы в поисках нужной картинки. Пусть она терпеть не могла сказки, ничего прекрасней этих картинок она в жизни не видела.

Она перевернула ещё одну страницу и наконец нашла, что искала.

Как правило, эльфы на картинках выглядели совершенно неинтересно. Больше всего они напоминали девчачий кружок по бальным танцам после столкновения с зарослями ежевики. Но на этой картинке всё было иначе. Странные краски, отсутствие теней... Трава и ромашки возвышались над эльфами – наверное, это должно было означать, что эльфы крохотные, но они были большими, огромными. Они выглядели людьми, только очень странными. И совсем не походили на эльфов, если уж на то пошло. Почти все обходились без крылышек. Если честно, это были очень странные создания. Некоторые – так настоящие чудовища. У девчушек в балетных пачках не было бы против них ни единого шанса.

И что самое странное, эта картинка, единственная во всей книге, выглядела так, будто художник писал с натуры. На прочих картинках девочки с крылышками и пузатые карапузы были ненастоящими, слишком слащавыми. Но глядя на эту, становилось ясно, что художник видел то, что рисовал... «Хотя бы мысленно», – подумала Тиффани.

Она присмотрелась к левому нижнему углу картинки. Она и раньше замечала это, но если не знаешь, где искать, можно и проглядеть... Там, в углу, сердито скалился маленький рыжеволосый человечек, одетый в короткий килт и кожаный жилет. На вид он был очень злой. И... – Тиффани поднесла свечу, чтобы рассмотреть получше, – да, одной ру-

кой он делал жест, явно предназначенный зрителю.

И даже если не знать, что жест этот неприличный, догадаться труда не составит.

Снаружи донеслись голоса. Тиффани чуть приоткрыла дверь ногой – ведьма всегда прислушивается к тому, что говорят вокруг.

Голоса доносились из-за изгороди, за которой в поле спали овцы, предназначенные на продажу. Утром их отгонят на рынок. Но овцы, как известно, не особенно разговорчивы. Тиффани выскользнула наружу, в предрассветный туман и подкралась к изгороди. Там была небольшая дыра, сквозь которую можно было заглянуть, – должно быть, дело лап кроликов.

- Раскудрить! Мы ж не бурана хотели, а кокоптаху!
- Э, что бе, что ко... А ну, каждый хватъ по ходуле!
- Ах-ха, все кокоптахи в сарае, тырь-хватай что есть!
- А ну цыть! Цыть, грю!
- Э, да кто услыхнёт-то, а? Тыкс, йан, тан... тетра!

Баран чуть приподнялся, тревожно мемекнул и помчался прочь хвостом вперёд. Тиффани показалось, что над травой возле его копыт мелькнули рыжие волосы, но толком она ничего разглядеть не успела, потому что баран быстро растворился в тумане.

Она протиснулась сквозь кроличью лазейку, не обращая внимания на концы прутьев, царапающие кожу. Матушка Болен ни за что бы не позволила никому украсть животное

из её стада, даже невидимкам.

Но туман сгустился, и к тому же теперь Тиффани услышала какой-то шорох в курятнике.

Баран, стремительно уносящийся в туманную даль задом наперёд, может подождать. Сейчас надо спасать наседок. За последние полмесяца в курятник уже дважды забиралась лиса, и уцелевшие куры почти перестали нестись.

Тиффани пробежала через огород, цепляясь ночной сорочкой за подпорки гороха и кусты крыжовника, и рывком распахнула дверь в курятник.

В курятнике вовсе не было того переполоха, который случился бы, явись туда лиса. Но куры возбуждённо кудахтали, а петух Фуфырь нервно вышагивал из угла в угол. Одна из наседок смущённо хохлилась. Тиффани быстро схватила её и подняла. Под курицей обнаружили два маленьких человечка с рыжими волосами и синей кожей. Каждый держал в охапке яйцо. Человечки уставились на Тиффани с очень виноватым видом.

– Ой, не! – вскрикнул кто-то из них. – Малюха! Она ж карга!

– Верните наши яйца! – сказала Тиффани. – Как не стыдно! И я вам не карга!

Человечки посмотрели друг на друга, потом на яйца.

– Каки-таки яйки? – удивился один.

– Яйца, которые у вас в руках! – строго сказала Тиффани.

– Чё? А, эти? Дыкс это яйки, ах-ха? – сказал тот, что за-

говорил первым, и вытаращился на яйца так, будто впервые их видел. – А мы-то дум-дум, что за штука така... Дум-дум, воно того, булыганы.

– Ах-ха, булыганы, – нервно подтвердил второй.

– Мы, того, шмыг погреваться, – продолжал первый. – Гля, тут повезде эти кругляксы насованы. Мы смекнули: ото ж кокоптахи и кудах-тахают.

– Ах-ха, кудах-тах-тах, кудах-тах-тах, – отчаянно закивал второй.

– Так мы им мал-мал подмогли...

– Положите – яйца – где взяли! – отчеканила Тиффани.

Тот, что больше помалкивал, ткнул приятеля локтем в бок.

– Слыхал, что она грит? Валит беда...^[9] Лучше бум пай-пай. Поперёк Боленов – не того, а то кыкс... А она ж карга! Она зелён-бошку шандаракснула, а зелён-бошку ещё никто не шандараксал!

– Ах-ха, и кыкс я сам не смекнул.

Человечки с преувеличенной осторожностью положили яйца на место. Один даже подышал на скорлупу и бережно протёр её обтрёпанной бахромой своего килта.

– Всё типсы-топсы, хозяйка! – заявил первый, и человечки исчезли.

Только мелькнула вроде бы в воздухе пара рыжих всполохов да солома у двери выпорхнула наружу.

– И я вам пока не хозяйка! – крикнула вдогонку Тиффа-

ни. – И не карга! И вообще, вы – вроде эльфов, да? И верните бурана... в смысле, барана!

Ей никто не ответил, только со стороны дома донеслось грохотание вёдер – семья начала просыпаться.

Тиффани забрала из туалета книгу, задула свечу и пошла домой. Мать уже разжигала печь. Она спросила, почему Тиффани в такую рань на ногах, и та ответила, что услышала шум в курятнике и пошла посмотреть, не забралась ли туда опять лиса. Она не покривила душой. На самом деле, она сказала чистую правду, просто немного укороченную.

Тиффани не была лгуньей, однако ей казалось, что порой вещи делятся не на правду и ложь, а на то, что другим знать надо, и то, что им пока знать не стоит.

Кроме того, она ещё не была уверена, что именно она сама узнала.

На завтрак была овсянка. Тиффани торопливо работала ложкой: ей не терпелось отправиться к загону и посмотреть, что осталось от барана. Может, следы в траве...

Что-то заставило её оторваться от миски и поднять глаза. Крысодав, до этого мирно дремавший у печки, теперь сидел и насторожённо смотрел на что-то. Тиффани почувствовала, как пушок у неё на шее сзади зашевелился. Она попыталась понять, куда смотрит кот.

На шкафу рядом стояли белые кувшины с синей росписью. От них в хозяйстве не было никакого проку, но это было наследство престарелой тётки, и мать очень гордилась ими,

потому что кувшины были красивые. А поскольку на ферме было не очень-то много красивых, но бесполезных вещей, их берегли как сокровище.

Крысодав смотрел на крышку одного из кувшинов. Она медленно приподнималась, и вскоре под ней стало можно рассмотреть рыжие волосы и цепкие глаза-бусинки.

Под взглядом Тиффани крышка осторожно опустилась на место. Но вот раздался тихий шорох, а когда Тиффани посмотрела на кувшин, он уже тихонько покачивался и на шкафу оседало маленькое облачко пыли. Крысодав ошалело оглядывался вокруг.

Тиффани выскочила во двор. Предрассветная дымка исчезла, над склонами из травы выпархивали жаворонки.

– Если баран не вернётся сию же минуту, – крикнула Тиффани в утреннее небо, – я вам это попомню!

Её крик эхом отразился от холмов и вернулся. А потом где-то рядом раздались тихие голоса.

– Чавой она?

– Она нам попомнит!

– Ой-ёи-ёи! Ой, беда нам!

Тиффани огляделась, вся красная от злости.

– Мы в ответе за них, – сказала она.

Она слышала эти слова от бабушки как-то раз, когда, ещё маленькой, оплакивала ягнёнка. Матушка Болен сказала тогда, коверкая слова по-старинному, как всегда говорила: «Мы для скотины – навроде богов. Мы решаем, когда ей

родиться, когда помирать. А между тем и другим мы в ответе за них».

– Мы в ответе за них, – повторила Тиффани спокойнее. Она сердито оглядела поле. – Не знаю, кто вы такие, но знаю, что вы меня слышите. Если не вернёте барана, вам... беда будет.

Над овчарней запел жаворонок, подчеркнув тишину.

Тиффани ждали дела. Ей надо было много о чём позаботиться, прежде чем у неё снова появится время для себя. Пора было накормить кур, собрать яйца, втайне гордясь тем, что её стараниями их на два больше, принести шесть вёдер воды, чтобы наполнить большой чан у печи. Но Тиффани решила, что эти дела подождут, они ей не очень-то нравились. Ей нравилось сбивать масло. За этим занятием можно было поразмыслить.

«Вот стану настоящей ведьмой в остроконечной шляпе и с помелом, – думала она, качая насос, – и сливки будут сбиваться в масло по одному взмаху моей руки. И никакие мелкие рыжие бестии не посмеют...»

За спиной у неё, там, где она выставила рядом шесть вёдер, чтобы идти к колодцу, раздался плеск. Одно из вёдер стояло полное, вода ещё покачивалась.

Тиффани вернулась к сбиванию масла, будто ничего не случилось. Но выждав немного, взяла горсть муки из короба и посыпала порог, после чего снова занялась маслом.

Несколько минут спустя позади снова плеснуло.

Она обернулась: так и есть, второе ведро стояло полное. А на каменном пороге, присыпанном мукой, виднелись две цепочки крохотных следов: одна вела в молочню, вторая – из неё.

Вёдра были деревянные и очень тяжёлые. Тиффани с трудом поднимала одно полное ведро.

«Итак, – подумала она, – эти человечки не только невероятно быстрые, но и жутко сильные. И почему меня это ни сколько не пугает?»

Она посмотрела вверх, на широкие деревянные балки под потолком. Оттуда медленно спланировал клочок пыли, потревоженный кем-то, кто спешил скрыться с глаз долой.

«Наверное, надо прекратить всё это прямо сейчас, – подумала Тиффани. – С другой стороны, почему бы не подождать, пока все вёдра наполнятся?»

– А ещё мне надо натаскать дров в ящик у печи, – сказала она вслух.

Попытка – не пытка, верно?

Тиффани снова принялась сбивать масло и не стала обращиваться ни когда за спиной у неё ещё четыре раза плеснула вода, ни когда со стороны дровяного ящика донёсся шорох и постукивание. Она обернулась лишь тогда, когда всё затихло.

Ящик был полон доверху, и вёдра тоже. Мука на пороге – вся истоптана.

Тиффани оставила масло в покое. Она чувствовала,

что на неё смотрят. Множество маленьких глазок.

– Э... спасибо, – сказала Тиффани.

«Нет, так нельзя, – поняла она. – Что я лепечу, будто напугана?» Она отложила лопатку для сбивания масла, повернулась и напустила на себя по возможности грозный вид.

– А баран? – спросила она. – Я не поверю, что вы правда раскаиваетесь, пока не вернёте барана!

Со стороны загона раздалось блеяние. Тиффани выскочила в огород и заглянула за изгородь.

Баран нёсся назад через поля. Хвостом вперёд и очень быстро. У самой изгороди он резко затормозил и опустился – воры поставили его в траву. На голове барана мелькнула рыжая шевелюра – человек подышал на рог и протёр его краем килта, после чего растворился в воздухе.

Тиффани в задумчивости вернулась в молочню. Там её ждало уже готовое масло. Оно было не просто сбито, а порезано на аккуратные кирпичики и разложено на каменном столе, как она всегда это делала. На каждом кирпичике даже лежала веточка петрушки.

«Может, они домовые?» – предположила Тиффани. Если верить сказкам, домовые шныряют вокруг дома и делают разную домашнюю работу за блюдечко молока. Но на картинках домовых рисовали весёлыми человечками в ярких колпачках. А эти синекожие существа выглядели так, будто сроду молока не пробовали. Но, возможно, стоит проверить...

– Хорошо, – сказала она, по-прежнему ощущая на себе множество взглядов. – Сойдёт. Извинения приняты.

Тиффани взяла из кучи грязной посуды у раковины кошачье блюдце, тщательно вымыла его, наполнила парным молоком, поставила на пол и отошла.

– Так вы – домовые? – спросила она.

Что-то мелькнуло в воздухе, молоко выплеснулось на пол. Блюдце ещё некоторое время дребезжало, кружась на полу.

– Ладно, будем считать, это значит «нет», – заключила Тиффани. – Тогда кто вы?

Ответом ей было сколько угодно молчания.

Она легла на пол и заглянула под раковину. Потом встала и изучила полки для сыров. Долго всматривалась в паучью темноту по углам. Молочня отчётливо опустела.

И Тиффани подумала: «Похоже, мне надо срочно поумнеть на целое яйцо».

По дороге, ведущей с фермы в деревню, Тиффани ходила тысячу раз. Идти было меньше полумили⁶, под гору, и за многие века повозки и телеги укатали дорогу так, что она больше походила на канаву, а в дождь превращалась в реку, белую, как молоко, из-за мела.

Тиффани прошла уже полпути, когда на мир обрушилось знакомое «шу-шу-шу». Живые изгороди по бокам дороги за-

⁶ Миля равна 1609 м, т. е. Тиффани предстояло пройти меньше 800 метров. (Примеч. ред.)

шуршали, хотя ветра не было. Жаворонки умолкли, и наступила оглушительная тишина. Тиффани совсем не обращала внимания на их пение, но ничего не может быть громче молчания, оборвавшего песню, которая звучала всегда.

Она подняла глаза к небу, и ей показалось, она смотрит на него сквозь алмазную призму. Небо искрилось и переливалось. Воздух наполнился холодом – так резко, будто она шагнула в ледяную ванну.

И вдруг оказалось, что под ногами лежит снег и снегом укрыты живые изгороди. И застучали копыта.

Лошадь неслась к Тиффани галопом через поле за изгородью, превратившейся в белую стену. Тиффани не видела коня, только слышала.

Звук копыт смолк. Мгновение была только тишина, потом лошадь перепрыгнула изгородь и приземлилась на дорогу, поскользнувшись на снегу. Вот она выровнялась, и всадник повернулся, чтобы посмотреть в лицо Тиффани.

Она не могла посмотреть ему в лицо в ответ. У него не было лица. У него не было даже головы, так что лицу просто негде было быть.

Тиффани побежала. Башмаки скользили по снегу, но внутри у неё вдруг воцарилось ледяное спокойствие.

У неё было только две ноги, чтобы поскользываться. У коня – вдвое больше. Тиффани доводилось видеть, как мучительно лошади одолевают этот спуск зимой, когда дорога заледенела. У неё оставался шанс.

Она слышала позади тяжёлое, со свистом дыхание и как ржёт конь. Тиффани рискнула быстро оглянуться. Всадник догонял её, но медленно, конь не столько скакал, столько скользил. От животного валил пар.

Примерно на середине склона дорога скрывалась под деревьями. Сейчас, укутанные снегом, они казались облаками, рухнувшими с неба. А за рощицей, Тиффани помнила, спуск заканчивался и дорога была уже ровной. Там безголовый всадник легко нагонит её. Она не знала, что он собирается с ней делать потом, но не сомневалась: это займёт до обидного мало времени.

Она вбежала под деревья, сверху стали падать потревоженные снежные хлопья. Она решила всё же попытаться. До деревни не так далеко, а Тиффани быстро бегала.

Но что потом? Ей ни за что не успеть спрятаться у кого-нибудь в доме. Люди станут метаться и кричать... На всадника это вряд ли произведёт впечатление. Нет, ей придётся разобраться с ним самой.

Если бы только она захватила с собой сковородку!

– Эй, мала карга! А ну стой!

Тиффани посмотрела вверх. Из живой изгороди торчала рыжеволосая голова.

– За мной гонится всадник без головы!

– И догонит, малюха! Стой, где есть! Зырь ему в глаза!

– У него нет глаз!

– Раскудрыть! Ты карга или нет? Зырь ему в глаза, каких

нет! – И синекожий человечек скрылся в кустах.

Тиффани обернулась. Всадник уже был под деревьями, лошадь почувствовала себя увереннее, когда уклон стал меньше, и пошла рысью. В руке всадник держал меч – и смотрел на Тиффани глазами, которых не было.

«Маленькие человечки смотрят на меня, – подумала она. – Нельзя бежать. Матушка Болен не кинулась бы наутёк от безголовой твари».

Она скрестила руки на груди и зло уставилась на врага.

Всадник придержал коня, словно опешив, потом снова пришпорил его.

И тогда сверху упала сине-рыжая фигурка, больше, чем те, что раньше доводилось видеть Тиффани. Человечек приземлился на голову лошади, прямо на лоб, и схватил её за уши.

– А ну, получи мал-мала люлей, ты, чучундра копытная! Ишь, верзуна оно носит! – раздался крик, и маленький человечек с размаху ударил головой между глаз коня.

К изумлению Тиффани, животное покачнулось.

– Пондра? – завопил крохотный воин. – И ишшо разокс на закукс!

На этот раз конь попятился, задние ноги его подогнулись, и он рухнул в снег.

Из изгороди валом повалили маленькие человечки. Всадник попытался встать на ноги, но его захлестнуло яростной сине-рыжей волной...

И тогда он исчез. И лошадь исчезла. И снег.

Ещё мгновение посреди пыльной дороги оставалась шевелящаяся груда синекожих человечков. Один из них заорал: – Раскудрить! Я себе по балде люлей налягал!

А потом исчезли и они, но Тиффани успела заметить рыже-синий всполох, сверкнувший в направлении изгороди.

Жаворонки пели, как раньше. Изгороди стояли цветущие и нетронутые – ни одна веточка не сломана, ни один цветок не опал. Небо снова было голубым, от алмазного сияния не осталось и следа.

Тиффани посмотрела вниз. На её башмаках таяли последние снежинки. Это её даже немного успокоило. Значит, чудо было на самом деле, она не сошла с ума. Вот и хорошо, потому что, стоило ей закрыть глаза, в ушах раздавалось свистящее дыхание всадника без головы.

Теперь ей требовалось оказаться там, где много людей и жизнь течёт своим чередом. Но ещё больше ей требовались ответы.

А если уж совсем честно, она бы всё отдала за то, чтобы не слышать зловещего дыхания всякий раз, закрывая глаза.

Палатки исчезли. Если не считать нескольких обломков мела, яблочных огрызков и тут и там куриных пёрышек, ничто больше не напоминало о том, что недавно здесь были учителя.

– Эй! Только тихо! – окликнул тоненький голосок.

Тиффани посмотрела вниз. Из-под листа щавеля осторожно выбралась жаба, точнее, жаб.

– Мисс Тик говорила, что ты ещё придёшь, – сказал он. – Наверное, хочешь о многом спросить?

– Обо всём! – выпалила Тиффани. – Мне не дают покоя маленькие человечки! Я не понимаю и половины из того, что они говорят! И они всё время зовут меня каргой!

– О да. Нак-мак-Фигли, – важно кивнул жаб.

– Пошёл снег, а потом исчез, как не было! За мной гнался всадник без головы... А потом один из... как ты их назвал?

– Нак-мак-Фигли, – повторил жаб. – Их ещё называют «пиксты». А сами они себя зовут маленьким свободным народцем^[10].

– Так вот, один из них ударил головой лошадь! В лоб! И лошадь упала. А она была немаленькая!

– Очень похоже на Фиглей, – подтвердил жаб.

– Я дала им молока, а они опрокинули блюдце!

– Фиглям? Молока?!

– Ты же сам сказал, что они – пикси!^[11]

– Не пикси, а пиксты. И уж чего они не пьют, так это молока.

– Они явились из того же места, откуда Дженни? – спросила Тиффани настойчиво.

– Нет. Они взбунтовались.

– Взбунтовались? Против кого?

– Против всех. И всего, – ответил жаб. – А теперь подбери

меня.

– Зачем ещё?

– Затем, что вон та женщина у колодца странно на тебя смотрит. Ради всего святого, подбери меня и положи в карман передника.

Тиффани подхватила жаба с земли и улыбнулась деревенской матроне:

– Понимаете, я собираю раздавленных жаб.

– Какая ты умничка! – сказала женщина и поспешила по своим делам.

– Не смешно, – заявил жаб из кармана.

– Люди всё равно не слышат, что им говорят, – сказала Тиффани.

Она устроилась под деревом и достала жаба из кармана:

– Эти Фигли пытались стащить у нас пару яиц и барана. Но я заставила их всё вернуть.

– Тебе удалось заставить Фиглей вернуть украденное? – поразился жаб. – Они что, все заболели?

– Да нет... На самом деле они где-то даже любезно себя вели. И помогли мне по дому.

– Фигли?! Помогли по дому?! Да они никогда никому не помогают, ни по дому, ни вообще!

– А потом этот всадник без головы! – продолжала Тиффани. – У него головы напрочь не было!

– Ну, иначе бы его на эту работу не взяли, – сказал жаб.

– Скажи мне, что происходит? – попросила Тиффани. –

Кто вторгается к нам? Фигли?

Жаб неуверенно замялся:

– Мисс Тик не хотела, чтобы ты ввязывалась в это дело.

Она скоро вернётся, приведёт помощь...

– А она успеет вовремя? – упрямо спросила Тиффани.

– Не знаю. Может быть. Но ты лучше не...

– Я хочу знать, что творится!

– Она приведёт ещё кого-нибудь из ведьм, – сказал жаб. –

Она считает, тебе не надо...

– Лучше расскажи мне всё, что знаешь, жаба, – проговорила Тиффани. – Мисс Тик здесь нет. А я – есть.

– Столкновение миров, вот что происходит. Нашего и чужого, – сказал жаб. – Теперь довольна? Но дело идёт быстрее, чем ожидала мисс Тик. Все чудовища возвращаются...

– Почему?

– А кто им помешает?

На мгновение воцарилось молчание.

– Я.

Глава 4

Маленький свободный народец

По пути на ферму ничего особенного не произошло. Небо оставалось голубым, овцы в загонах вроде бы не носились задом наперёд, в воздухе была разлита знойная пустота. Крысодав возился на тропинке, ведущей к задней двери, — он кого-то поймал и прижимал лапами. Завидев Тиффани, он подхватил добычу зубами и проворно шмыгнул за угол дома. Тиффани очень метко бросалась комьями земли.

Хорошо ещё жертва, которую он сжимал в зубах, не была синей и рыжеволосой.

— Только посмотри на него! — сказала Тиффани. — Жирный трусливый паршивец. Если б он только перестал ловить бедных птенчиков...

— Слушай, а у тебя, случайно, нет какой-нибудь шляпки? — спросил жаб. — Терпеть не могу вот так сидеть и ничего не видеть.

Тиффани с жабом в кармане вошла в молочню, где её обычно никто не трогал до вечера.

В кустах у двери раздались тихие голоса.

— Что крага грит?

— Вона хочет, чтоб кошакс не цапал мал-мал птах.

— И всё-то? Раскудрыть! Да лехко!

Тиффани с величайшей осторожностью высадила жаба на стол.

— Что ты ешь? — спросила она, потому что знала: гостей положено угощать.

– Последнее время перебиваюсь червяками, улитками и всяким таким, – сказал жаб. – Пришлось привыкнуть. Хотя было непросто. Не переживай, если у тебя ничего подобного нет. В конце концов, ты ведь не ожидала в гости жабу.

– Молоко будешь?

– Очень любезно с твоей стороны.

Тиффани налила немного молока в блюдце и стала с интересом смотреть, как жаба ковыляет к нему по столу.

– Ты был прекрасным принцем? – спросила она.

– Ага. Может быть. Типа того, – ответил жаб, принимаясь лакать.

– А почему мисс Тик превратила тебя в жабу? – не унималась Тиффани.

– Кто? Она? Да ей такое не под силу, чтоб ты знала! Превратить человека в жабу так, чтобы он продолжал считать себя человеком, – это серьёзное волшебство. Нет, это не она, это фея-крёстная постаралась. Никогда не связывайся с дамочками, у которых есть такая палочка, а на палочке – звёздочка. Все они подлые, низкие твари.

– Но почему она тебя заколдовала?

Жаб засмутился.

– Не знаю, – признался он. – Я не очень-то хорошо помню, как это было. Просто знаю, что раньше я был человеком. Ну, или мне так кажется. На самом деле, меня от таких мыслей в дрожь бросает. Иногда просыпаюсь по ночам и думаю: а что, если я на самом деле никогда человеком не был? Что,

если я всегда был жабой, а однажды чем-то досадил фее-крёстной, и она заколдовала меня, заставив думать, что я бывший человек? Вот уж наказание, врагу не пожелаешь, верно? В смысле, если мне не в кого превращаться обратно... – Жаб поднял на Тиффани встревоженные жёлтые глаза. – Ведь это, должно быть, совсем несложно, задурить жабе голову, правда? Во всяком случае, куда легче, чем превратить сто шестьдесят фунтов человечины в восемь унций жабы, согласна?⁷ Ну, то есть я всё думаю: куда лишнее-то делось? То, что в остатке, оно как выглядит? Подумать даже страшно. Да, у меня имеется парочка-другая воспоминаний о том, как я был человеком, но что такое воспоминания? Они ведь только в голове. Почём мне знать, настоящие они или нет? Иногда, особенно если поужинаю несвежим слизняком, я от этих мыслей просыпаюсь по ночам с криком. То есть на самом деле с кваком, конечно. Спасибо за молоко, очень вкусно.

Тиффани молча смотрела на жабу.

– Знаешь, – проговорила она, – я и не думала, что магия – это так сложно.

– Трепых-пых-пых! Чирик-чик-чик! Ай-ай, бедный мал-мал я, чири-ик!

Тиффани кинулась к окну.

На дорожке возле дома суетился Фигль. На нём были кры-

⁷ Фунт равен примерно 4,45 кг; унция равна приблизительно 28 граммам. (Примеч. ред.)

лышки из лоскутков и шапочка с клювом, кое-как сделанная из соломы. Ряженный Фигль носился кругами, хлопая «крыльями» и всячески изображая раненую птицу.

– Чирик-чирик! Трепых-пых-пых! Ой-ой, токо бы кис-кисун не прошмыгнул мимоходом! Ай-ай, я плак-плак птах! – верещал он.

Крысодав, злой рок всех птиц и птенцов, был тут как тут – подкрадывался к Фиглю по тропинке. Тиффани открыла было рот, чтобы закричать, но кот уже взвился в воздух и приземлился всеми четырьмя лапами прямо на маленького человечка.

Точнее, туда, где Фигль только что был. Человечек успел сделать сальто и оказался прямо у кота перед носом, после чего немедленно схватил зверя за уши.

– Ага! Подь сюды, кошакс мерзвяый! Вот те за всех мал-мал птах, ты, чучундра грязнорыла! – И врезал коту головой по носу.

Крысодав перекувырнулся в воздухе, упал на спину и остался лежать. Глаза его съехались к носу. Оцепенев от ужаса, кот уставился на Фигля, который наклонился над ним и заорал:

– Чири-и-ик!!!

После такого Крысодав вдруг взвился в воздух, как это умеют только коты, рыжей молнией метнулся по тропинке к дому, шмыгнул между ног Тиффани и забился под раковину.

Фигль, ухмыляясь, посмотрел ему вслед... и увидел Тиффани.

– Пожалуйста, не уходи!.. – начала она, но тот уже растворился в воздухе.

Тем временем по дорожке к дому торопливо спускалась мама. Тиффани едва успела спрятать жабу в карман передника.

– Где Винворт? – спросила мать. – Он вернулся домой? Ну же!

– А разве вы не взяли его с собой на стрижку, мама? – спросила Тиффани.

Ей вдруг стало очень не по себе. Паника сочилась из матери, будто струйки дыма.

– Его нигде нет! – чуть не плача, сказала мать. – Я отвернулась всего на минутку! Ты точно его не видела?

– Но он же не мог уйти сам так далеко...

– Иди и посмотри в доме! Живо!

Госпожа Болен поспешила дальше. Тиффани торопливо вынула жабу из кармана и посадила под раковину. Она слышала, как заколдованный жаб квакнул на Крысодава, и кот, ошалевший от всего пережитого, мохнатым вихрем вылетел из молочни.

Тиффани выпрямилась. За первую мысль, которая пришла ей на ум, ей тут же стало стыдно: «Он же так хотел посмотреть, как стригут овец! Как он мог потеряться! Там же были и мама, и Ханна, и Фастидия! Но так ли уж хорошо

присматривали за братцем Ханна и Фастидия, когда вокруг все эти удалыцы-стригали?»

Тиффани попыталась сделать вид, будто этой мысли не было, однако её разум всегда был предательски внимателен, подмечая её ложь. Разум – это хорошо, вот только если бы он ещё не заходил мыслями туда, куда ему не велено...

Но Винворт никогда не пытался сбежать подальше от людей! От хижин стригалей до дома полмили пути! А Винворт ведь не может быстро ходить, проковыляет несколько шагов, шлёпается на попу и требует конфет!

Но если он и правда исчез, в доме станет немного поспокойнее...

Последняя мысль опять была гадкой и постыдной, и Тиффани постаралась прогнать её, занявшись поисками брата. Первым делом она отсыпала леденцов из кувшина и принялась бегать по комнатам, шурша кульком.

Она слышала, как по двору топают мужчины, вернувшись со стрижки овец, но не обращала на это внимания, продолжая заглядывать под кровати и открывать дверцы шкафов, даже те, куда карапуз уж никак не мог бы забраться, а потом снова смотреть под кроватями, хотя уже смотрела там – потому что это был как раз тот случай, когда ищешь даже на чердаке, хотя чердак весь год заперт.

Несколько минут спустя во дворе раздались голоса – люди бегали там и звали Винворта на все лады. А потом Тиффани услышала, как папа сказал: «Посмотрите у реки!» –

и поняла, что он тоже в отчаянии, потому что уж так далеко Винворт точно не мог уйти добровольно, его всегда требовалось подкупить, чтобы увести к реке. Он был не из тех детей, кто готов просто так взять и удалиться от источника сладкого.

Это всё ты виновата.

Мысль была холодной, как лёд.

Это всё ты виновата, ведь ты его никогда не любила. С тех пор как появился Винворт, ты перестала быть младшей в семье. И он таскался за тобой хвостом, и был обузой, и ты только и мечтала, чтобы его не было, верно? Вот он и пропал.

– Неправда, – тихо-тихо прошептала Тиффани. – Мы с ним... ладили.

Не слишком-то. И не всегда. Он не умел играть как надо и вечно не слушался. И ты то и дело думала, как было бы здорово, если б он пропал пропадом.

«И вообще, – мысленно добавила она, – невозможно всё время любить человека, у которого непрерывно течёт из носу. И всё же... Что, если...»

– Как бы я хотела отыскать моего брата, – сказала она вслух.

Похоже, это не возымело никакого действия. Но в доме было полно людей, и все кричали, хлопали дверьми и путались друг у друга под ногами. А Фигли, хоть у многих из них физиономии и смахивали на сжатые кулаки со множеством костяшек, были довольно застенчивы...

«Не надо хотеть, — сказала бы мисс Тик. — Надо делать».

Тиффани спустилась вниз. Оказалось, даже кое-кто из женщин, что должны были паковать шерсть в мешки в хижинах стригалей, вернулся на ферму. Они собрались вокруг матери, которая сидела за столом, заливаясь слезами. На Тиффани никто не обратил внимания. Так часто бывало.

Она мышкой прошмыгнула в молочню и наклонилась заглянуть под раковину... Дверь с грохотом распахнулась, в комнату влетел отец и резко остановился. Тиффани с виноватым видом обернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...в последнее время ей стало казаться, что с таким именем, как Тиффани, ей придётся нелегко в жизни.

2.

Эти края люди называют Меловыми холмами.

3.

Нак-мак-Фигли (The Nac Mac Feegle), они же пиксты и маленький свободный народец, – остроумная пародия на викторианских феечек (вместо изысканных и прелестных крылатых созданий – фейри, более близкие к их фольклорным собратьям, воришки, пьяницы и драчуны, от которых того и жди какой-нибудь каверзы), а также пародия на шотландцев и пиктов. Нак-мак-Фигли воплотили в себе все стереотипные черты шотландского характера и шотландской внешности, доведённые до гротеска: они невелики ростом, у них ярко-рыжие всклокоченные волосы и бороды; они щеголяют в килтах и пляшут традиционные шотландские танцы – рилы, их любимое времяпрепровождение – «Тыркс, дракс, пойло жракс»: они воруют скот, равно как и всё, что плохо лежит, обожают драки и горячительные напитки (причём особенно ценят «особую овечью притирку» – виски домашнего приготовления); страх им неведом, а лбы настолько крепкие,

что ударом головы они способны свалить лошадь. Их язык представляет собою причудливую смесь шотландского диалекта английского языка (словечки вроде crìvens! – в русском переводе «раскудрить!») и элементов ирландского и шотландского гэльского языков (так, заимствованием из кельтских языков являются их числительные, «йан-тан-тетра»). Имя «Тиффани» кельда истолковывает как «Тир-вар-фойн» (Tìr-far-thóinn), что значит «Земля под волной», – что тоже представляет собою заимствование из гэльского языка. Вильям Гоннагл, представитель клана, живущего в высокогорном краю, где растёт вереск (узнаваемое Северное шотландское нагорье, «Хайленды»), говорит с более мягким, характерным акцентом шотландских горцев. Фигли превосходные воины – «даже тролли бегут без оглядки, если им встретится маленький свободный народец». Недаром же они носят столь громкое имя: «Мак-Фигль» на языке шотландцев означает «сын Фигля», где Фигль – искажённый вариант имени «Фингал», или «Финн Маккул» (Fionn Mac Cumhaill) – так звали легендарного воина, мудреца и провидца, героя кельтских мифов III в. н. э.

4.

...тоненькая книжица под названием «Цветы холмов».

5.

Дженни Зелёные Зубы (Jenny Green-Teeth) – крайне неприятная представительница английского фольклора: живёт в реках и озёрах, предпочитает стоячую воду, подстерегает оставленных без присмотра детишек, утаскивает их под воду и топит. Водится главным образом в северо-западных английских графствах, особенно в Ланкашире, а также в Чешире и в Шропшире, но иногда заглядывает и в другие области. Если озеро или пруд подёрнулись ряской – наверняка под ней затаилась Дженни. У неё (если верить легенде) бледно-зелёная кожа, длинные, зелёные, похожие на водоросли волосы, длинные мускулистые руки, длинные цепкие пальцы и да, длинные и очень острые зубы. Катарин Бриггс в своём «Словаре фейри» классифицирует Дженни как «страшилку для детей», то есть как одно из тех сверхъестественных существ, которых придумали взрослые специально для того, чтобы отпугнуть детей от опасных мест. До сих пор на северо-западе Англии взрослые предостерегают непослушных малышей: «Смотри, Дженни тебя сцапает!» Как и многие другие английские фейри, Дженни не терпит холодного железа: именно поэтому Тиффани удалось справиться с ней с помощью сковородки. Близкий родственник Дженни – йоркширский зелёный водяной демон гриндилоу, наверняка уже знакомый вам по книгам о Гарри Поттере.

6.

«Йан, тан, тетра» (Yan Tan Tethera) – рифмованная система счёта овец, которой традиционно пользовались пастухи в Северной Англии (особенно в долинах Озёрного края), а в старину – и в других областях Англии и Британских островов. Со времён Средневековья пастухам приходилось постоянно вести точный «счёт по головам», чтобы ни одна овца не потерялась: ведь фермы облагались налогом согласно количеству овец. Их пересчитывали постоянно: это первое, что пастухи проделывали утром, и последнее, чем заканчивали день; подсчёт проводился, когда овец перегоняли с одного пастбища на другое, после каждой стрижки, обрезки копыт и т. д. Этой же системой пользовались для подсчёта петель в вязании.

7.

Обзавестись хорошей шляпой нелегко, особенно такой, которая защитит, если тебе на голову свалится фургон или фермерский дом.

8.

Дорога домой шла через Курганный холм...

9.

Валит беда...

10.

Их ещё называют «пиксты». А сами они себя зовут маленьким свободным народцем.

11.

Пикси (pixies) – персонажи английского фольклора, маленькие фейри, обитающие главным образом в вересковых нагорьях вокруг Девона и в Корнуолле; возможно, легенды о них – кельтского происхождения. По поверью, обитают на древних городищах, в кругах камней, могильниках, дольменах, менгирах. Изображают их обычно в зелёных курточках, красных колпачках, с заострёнными ушками, по-детски проказливыми, но это – наследие Викторианской эпохи. В древних преданиях они ходят в лохмотьях (которые охотно меняют на одежду поновее) и не слишком безобидны: сбивают путников с дороги, крадут лошадей, спутывают им гривы; а тот, кто по доброй воле последовал на зов пикси, может и не вернуться. Чтобы прогнать пикси, нужно вывернуть наизнанку куртку или показать им железный крест: пикси, как и прочие фейри, боятся холодного железа. Одно из преданий уверяет, что пикси – это друиды, умалившиеся до крошечных существ, поскольку отвергали христианство, или те из людей, которые были недостаточно хороши для рая и недостаточно плохи для ада и навсегда остались на земле. Пикси наверняка уже знакомы вам по книгам о Гарри

Поттере; но у Дж. Роулинг описана только корнуолльская разновидность пикси.